

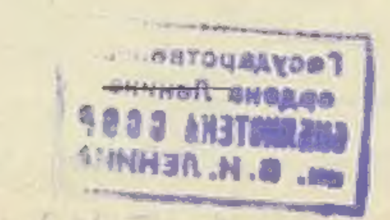
ГРАМОТЫ
МАЛОРУССКАГО КНЯЗЯ ЮРІЯ II

И

ВКЛАДНАЯ ЗАПИСЬ

КНЯЗЯ ЮРІЯ ДАНИЛОВИЧА ХОЛМСКАГО

XIV вѣка.

А. В. Лонгинова.

2007111501

Первая половина четырнадцатаго вѣка представляется въ полномъ смыслѣ слова камнемъ преткновенія для историковъ Западной Руси. Съ тѣхъ поръ какъ обрывается Волынская лѣтопись, едва ли не лучшая изъ всѣхъ нашихъ лѣтописей, историку по необходимости приходится, блуждая въ потьмахъ, обращаться къ иноземнымъ хроникамъ (литовскимъ, польскимъ, венгерскимъ, нѣмецкимъ и швейцарской), мало интересующимся судьбами Руси и наполненнымъ свѣдѣніями о ней или совершенно баснословными, или противорѣчивыми, или крайне отрывочными. Скудость историческихъ источниковъ за помянутый періодъ времени повела къ смѣшенію понятій о личности и происхожденіи послѣдняго Малорусскаго государя Юрія II. Одни считаютъ его сыномъ Андрея Юрьевича, другіе отождествляютъ его съ Мазовецко-Черскимъ княземъ Болеславомъ Тройденовичемъ. На сторону перваго мнѣнія, впервые опредѣленно высказаннаго Карамзинымъ и съ необыкновенною энергіею поддержаннаго галицко-русскими учеными (Зубрицкимъ и Шараневичемъ), склонились Бобржинскій, Антоновичъ и Иловайскій. Другое мнѣніе встрѣтило талантливаго поборника въ лицѣ чешскаго ученаго Ржежабека *). Послѣдній нанесъ такой сильный ударъ своимъ противникамъ, что сразу привлекъ къ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, между которыми нельзя не упомянуть о кіевскихъ ученыхъ Дошкевичѣ и Линниченкѣ. Предоставляя спеціалистамъ всестороннюю разработку предмета, я въ настоящей замѣткѣ коснусь лишь нѣкоторыхъ фактовъ, на которые историки или вовсе не обратили, или же обратили недостаточно вниманія.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ доводы Ржежабека:

1) Въ дружественномъ договорѣ съ Тевтонскимъ орденомъ отъ 1325 г. сдѣлана ссылка на Даніила, Льва I, и Юрія I, коихъ Юрій II

---

*) J. Řežábek. Jiří II, poslední kníže veškeré Malé Rusi. Časopis musea království českého. 1883, I.

называетъ „nostri progenitores rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus“, но не упомянуты непосредственные предшественники Юрія II Андрей и Левъ II, несмотря на существованіе такого же договора ихъ съ орденомъ отъ 1316 г. и доказывающей продолженіе мирныхъ отношеній къ ордену грамоты Андрея 1320 г. торунскимъ купцамъ на право вести свободную торговлю въ его владеніяхъ. Въ грамотахъ же къ представителямъ тевтонскихъ рыцарей отъ 1334—1335 г. Юрій перечисляетъ своихъ предшественниковъ (predessores), а между ними приводитъ и имя князя Андрея. Изъ сопоставленія грамотъ Ржежабекъ выводитъ, что князь Андрей не былъ отцомъ Юрія II-го. Въ силу тѣхъ же причинъ, говоритъ Ржежабекъ, и Льва II нельзя считать отцомъ Юрія II, ибо, еслибы даже допустить, что онъ, какъ младшій братъ, удовольствовался въ послѣдствіи удѣломъ и потому не могъ быть названъ въ двухъ послѣднихъ грамотахъ, какъ предшественникъ Юрія II на княжескомъ столѣ,—хотя этому противорѣчитъ грамота 1316 г., гдѣ Левъ II выступаетъ, какъ равный брату Андрею,—то его все-таки слѣдовало поименовать по крайней мѣрѣ въ первой грамотѣ. Но если Юрій II не былъ сыномъ ни Андрея, ни Льва II, то онъ могъ называть Юрія I своимъ дѣдомъ только со стороны матери.

2) Въ письмѣ короля Владислава Локотка отъ 21 іюля 1324 г. къ папѣ Іоанну XXII сообщается о кончинѣ двухъ *послѣднихъ* Русскихъ государей изъ рода схизматиковъ, бывшихъ надежнымъ оплотомъ польскихъ владѣній отъ татаръ: „duo ultimi principes ruthenorum de gente schismatica... decesserant ex hac luce“. Выражая опасенія, чтобы татары, воспользовавшись ихъ погибелью, не овладѣли Галичемъ и Волынью и не сдѣлались бы такимъ образомъ непосредственными сосѣдями Польши, король проситъ оказать ему содѣйствіе зависящими отъ папы средствами. По словамъ Ржежабека, письмо написано подъ впечатлѣніемъ несчастнаго положенія осиротѣвшей русской земли. Смерть Галицко-Владимірскихъ князей Андрея и Льва II онъ безъ колебанія относитъ—перваго къ 1321 г., втораго къ 1322 г., связывая ее съ нападеніемъ на русскія земли литовцевъ подъ предводительствомъ Гедимина.

3) Письмомъ отъ 16 іюля 1327 г. тотъ же папа увѣщеваетъ *Русскаго* князя Болеслава не покидать намѣренія перейти изъ православія въ лоно римско-католической церкви, а въ другомъ письмѣ, отправленномъ одновременно къ Владиславу Локотку, называетъ Болеслава правнукомъ короля (pronepos tuus) и проситъ короля, чтобы онъ своими отеческими внушеніями помогъ со-

единенію Болеслава съ римско-католическою церковью *). Ржежабекъ полагаетъ, что Болеславъ принялъ православіе въ зрѣломъ возрастѣ не по убѣжденію, а съ цѣлью полученія наслѣдства Романовичей, и не въ Черскѣ, а при дворѣ православныхъ Галицко-Владимірскихъ князей, съ которыми онъ по матери состоялъ въ родствѣ и изъ которыхъ послѣдній приходился ему дядей, и что Болеславъ перешелъ снова изъ православія въ латинство около 1327 г., какъ это доказывается будто бы письмомъ папы Бенедикта отъ 29 іюня 1341 г. Изъ него видно, что Польскій король Казиміръ приписывалъ причину насильственной смерти Болеслава возвращенію его въ католицизмъ. Такой же взглядъ проводятъ современные лѣтописцы швейцарецъ Витодуранъ и архидіаконъ Гнѣзненскій Янъ Чарнковскій. Косвенное подтвержденіе этого Ржежабекъ усматриваетъ въ показаніи Длугоша (подъ 1331 г.), что Мазовецкій и Русскій князь Болеславъ Тройденовичъ женился въ Плоцкѣ на дочери Гедимина язычницѣ, предварительно обративъ ее въ христіанство.

Приведенные доводы Ржежабекъ подкрѣпляетъ свидѣтельствомъ Витодурана объ отравленіи Болеслава Тройденовича *послѣ многолѣтняго и счастливаго княженія*.—Избраніе Болеслава на княжескій столъ Галицко-Владимірскій Ржежабекъ приближаетъ къ концу 1324 или началу 1325 г., объясняя это избраніе привязанностью русскаго населенія къ роду Романовичей изъ Рюрикова дома.

Претендуя на окончательное рѣшеніе вопроса о происхожденіи Юрія II, чешскій ученый завершаетъ свое блестящее изслѣдованіе подробнымъ разборомъ историческихъ извѣстій о князьямъ Юріи Даниловичѣ Холмскомъ и Юріи Белзскомъ, упоминаемыхъ во второй половинѣ XIV вѣка. По предположенію Ржежабека, Юрій Даниловичъ не былъ потомкомъ Романовичей и сохранившаяся вкладная запись послѣдняго 1376 г. есть вѣроятно *подлогъ*, сдѣланный неизвѣстно съ какою цѣлью отъ имени Юрія Наримунтовича, причемъ отецъ Юрія по ошибкѣ названъ Даніиломъ, тогда какъ въ дѣйствительности, судя по первой Новгородской лѣтописи, онъ нареченъ при крещеніи Глѣбомъ.

Мысль о тождествѣ личности Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ далеко не нова. Еще около столѣтія тому назадъ такая догадка была пущена въ ходъ Адамомъ Нарушевичемъ. Въ двухъ мѣс-

---

*) ... ad unitatem ipsius (Romane) ecclesie redeundi, ... quod... redeat seu veniat ... ad ipsius ecclesie unitatem... Здѣсь идетъ рѣчь не о возсоединеніи, а собственно объ обращеніи.

тахъ своего капитальнаго и въ высшей степени добросовѣстнаго труда по исторіи Польши онъ дѣлаетъ категорическое замѣчаніе, основанное на Витодуранѣ и перепискѣ папы съ Владиславомъ Локоткомъ, что послѣ гибели, въ войнѣ съ Гедиминомъ, двухъ сыновей Юрія Львовича, около 1321 или 1322 г., русины провозгласили своимъ княземъ Болеслава Мазовецкаго около 1324 г. [2]) Правда, Нарушевичу не были извѣстны договоры Малорусскихъ князей съ Тевтонскимъ орденомъ, найденныя въ Кенигсбергскомъ архивѣ, а потому выводъ Ржежабека о происхожденіи Юрія II имѣетъ болѣе точекъ опоры.— Но онъ исчерпалъ не всѣ главнѣйшіе источники. Такъ онъ упустилъ изъ виду очень важную грамоту Русскаго князя Георгія отъ 20 января 1339 г. о введеніи Магдебургскаго права въ г. Санокѣ [3]), фундушевую запись Литовскаго князя Любарта Гедиминовича отъ 8-го декабря 1322 г. [4]), переписку Казиміра Великаго съ цареградскимъ патріархомъ, и не зналъ, что въ Холмскомъ церковно-археологическомъ музеѣ хранятся копіи грамотъ, имѣющихъ связь съ дарственною записью Юрія Даниловича 1376 г. Нельзя сказать и того, чтобы текстъ договорныхъ грамотъ Юрія II съ крестоносцами былъ во всѣхъ отношеніяхъ подвергнутъ Ржежабекомъ глубокому обсужденію. Напримѣръ, онъ не обратилъ должнаго вниманія: а) на отсутствіе въ грамотѣ 1325 г. имени Романа Мстиславича, помѣщеннаго въ послѣдующихъ грамотахъ, а въ грамотахъ 1334 и 1335 г.—Льва II, участвовавшаго въ написаніи грамоты 1316 г.; б) въ грамотѣ 1327 г., являющейся, по словамъ самого Ржежабека, повтореніемъ грамоты Андрея и Льва 1316 г., Юрій II двукратно ссылается на предковъ своихъ (una parte nostrasque serenissimos progenitores .. nos volentes utique exemplum nostrorum progenitorum); в) первая грамота 1325 г., третья отъ 1334 г., заключаютъ въ себѣ только обѣщаніе добраго согласія и мирныхъ отношеній къ ордену, тогда какъ вторая 1327 г., подтвержденная вмѣстѣ съ другими грамотами въ 1335 г., содержитъ въ себѣ обязательство защищать земли ордена отъ татаръ (terras vestras fideliter premunire curabimus pro tartaris dummodo nobis constiterit et ob hostili qualibet invasione...); г) въ грамотахъ 1325, 1327, 1334 и 1335 г. Юрій II величаетъ себя княземъ, сначала просто Русскимъ, затѣмъ Галицкимъ и Владимірскимъ, далѣе княземъ и самодержцемъ Руси, наконецъ княземъ всей Малой Руси (Georgius... dux Russie,—dux terre Russie Galicie et Lodimere,—natus dux et dominus Russie,—natus dux tocius Russie Mynoris). Третья грамота исходила отъ Юрія купно съ боярами и сановниками Феодоромъ епископомъ Галицкимъ, Димитріемъ (Demitrio detcone), Хоткой дворскимъ судьей,

Георгіемъ Лысымъ, Михаиломъ Елеазаровичемъ, Александромъ Молдавовичемъ и Борисомъ Кракулой. Послѣдняя грамота дана при участіи бояръ и военоначальниковъ (cum dilectis et fidelibus nosris baronibus militibusque), Димитріемъ (Demetrio delcone nostro), Михаиломъ Елеазаровичемъ воеводой—Белзскимъ, Васькой Кудриновичемъ—дворскимъ судьей, Грицкомъ Коссачевичемъ—Перемышльскимъ воеводой, Борисомъ Кракулой—воеводой Львовскимъ, Ѳедоромъ Отекомъ—воеводой Луцкимъ и Хоткомъ Еромировичемъ *).

Такъ какъ въ грамотѣ 1327 г., повторяющей содержаніе грамоты Андрея и Льва II отъ 1316 г., подразумѣвается ссылка въ числѣ другихъ предковъ (progenitores) Юрія II также на братьевъ Андрея и Льва II, то соображенія Ржежабека объ отсутствіи имени Андрея въ грамотѣ 1325 г., построенныя на различномъ значеніи словъ progenitores и predecessores, теряютъ свою силу. Кто бы ни былъ отецъ Юрія II, нельзя, кажется, признать неумѣстнымъ обращеніе его къ Андрею и Льву, какъ къ своимъ *предкамъ*, коль скоро онъ былъ связанъ съ ними кровными узами и подъ своей державой соединилъ унаслѣдованные отъ нихъ княжескіе столы. Только въ позднѣйшихъ грамотахъ Юрій II игнорируетъ Льва II вѣроятно потому, что послѣдній игралъ второстепенную роль при Андреѣ, какъ владѣвшій однимъ Луцкимъ удѣломъ. Какое же послѣ этого значеніе имѣетъ пропускъ въ грамотѣ 1325 г. имени Андрея? Полагаю, ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что Юрій II, не обязываясь, *въ то время*, защищать земли рыцарей отъ нападенія татаръ, быть можетъ, изъ страха передъ ними, ибо до призванія его на русское княженіе „imperator tartarorum... duos paganos reges satis idoneos rutenis praefecerat“ (Витодуранъ), конечно, не имѣлъ повода ссылаться на грамоту Андрея, въ которой послѣдній, вмѣстѣ съ братомъ, принималъ на себя такое именно обязательство. Гораздо труднѣе объяснить пропускъ въ первой грамотѣ между progenitores знаменитаго и поставленнаго на первомъ планѣ въ послѣднихъ двухъ грамотахъ имени Романа Мстиславовича, отца Даніилова, дѣда Леонова и прадѣда Юрія I.

При внимательномъ разсмотрѣніи внѣшней формы грамотъ Юрія II бросается въ глаза необычное разнообразіе въ княжескомъ титулѣ. Особенно рѣзкая разница усматривается въ титулѣ послѣдней грамоты 1335 г. сравнительно съ титулами первыхъ трехъ грамотъ вслѣдствіе добавленія къ нему слова totius и mynoris, что приближаетъ

*) Шараневичъ считаетъ Георгія Лысаго градоначальникомъ Галицкимъ, а Александра Молдавовича воеводой Холмскимъ. (Стародавный Львовъ, стр. 55).

послѣднюю грамоту, по титулу, къ грамотѣ Андрея и Льва („Мы, Божіею милостію, князья всей земли русской Галиціи и Владиміріи") *). Подъ Малой Россіей въ XIV вѣкѣ, послѣ отдѣленія отъ нея захваченнаго Литвою округа Брестскаго, разумѣлось обширное княжество, состоявшее изъ земель Галицкой, Перемышльской, Холмской, Белзской, Львовской и значительной части земель Владимірской и Луцкой. Стольнымъ городомъ Малой Руси былъ Владиміръ-Волынскій (Ladimiria), откуда посланы, кажется, всѣ грамоты Юрія II, исключая одной, отъ 1334 г., написанной во Львовѣ. Наряду съ названными мною городами, въ числѣ завоеванныхъ Казиміромъ Великимъ при нашествіи на Западную Русь въ 1340 г., Густынскій лѣтописецъ между прочимъ помѣщаетъ: Галичъ, *Санокъ*, Бюбачевъ и Терембовлю.

Причина разнообразія титула Юрія II кроется въ томъ, что владычество его въ Червонной Руси распространялось постепенно. По смерти Андрея и Льва II тамъ осталось еще много мелкихъ князей, но они не имѣли правъ на Галицко-Владимірское наслѣдство, не будучи прямыми потомками Романа. За недостаткомъ источниковъ трудно возстановить *полную* генеалогію Романовичей. У Романа Мстиславича [5]) отъ дочери Рюрика Ростиславича было только два сына — Даніилъ и Василько и дочь Ѳедора, отданная въ замужество за сына Владиміра Ярославича Галицкаго [6]). Даніилъ, женатый на Аннѣ Мстиславовнѣ („поя у него—Мстислава—Данилъ дщерь, именемь Анну") **), а по смерти ея—на двоюродной сестрѣ Миндовга [7]), имѣлъ четырехъ взрослыхъ сыновей: Льва I, Романа, Шварна и Мстислава (дочерей лѣтопись не называетъ). Потомство Романа и Шварна Даниловичей намъ неизвѣстно, хотя знаемъ, что оба они были женаты—Романъ на дочери Глѣба, литовскаго подручника Даніилова, и по смерти ея на Гертрудѣ австрійской, а Шварнъ—на дочери Миндовга, сестрѣ Войшелка [8]). Левъ I былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля Белы IV сестрѣ Стефана: „Даніилъ поемь сына своего Лва... иде къ королеви во Изволинъ и поя дщерь его сыну си женѣ" [9]). Въ трактатѣ 1271 г. между королемъ Оттокаремъ Чешскимъ и Стефаномъ Венгерскимъ послѣдній перечисляетъ своихъ сторонниковъ, и между ними „Leonem generum nostrum ruthenorum ducem, Mitizlaum fratrem ejusdem, et Wazulem [10]) filium Wazule ducis ruthenorum". Согласно съ этимъ

---

*) Andreas et Leo, Dei gratia duces totius terrae Russiae...

**) Иловайскій очевидно ошибся, сказавъ, что Мстиславъ, по заключеніи союза съ Даніиломъ, выдалъ за него дочь свою Марію. (Ист. Рос, ч. II, стр. 48). Туже ошибку сдѣлалъ Шарапевичъ (Ист. Гал. Влад. Р., стр. 76).

волынскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что „Левъ ѣха въ Чехы на снемъ (сеймъ) къ королеви, зане любовь держаше съ нимъ велику и докончивъ съ нимъ миръ до своего живота". Въ реляціи епископа Ольмюцкаго папѣ Григорію X, помѣщенной у Райнальда подъ 1273 г., сказано: „Duae filiae regis Hungariae, ruthenis qui sunt schismatici, disponsatae fuerunt". Въ codex bibl. Vallicellensis значится: „Sunt aliae litterae Belae regis Hungariae ad Innocentium IV summum pontificem, in quibus implorat ejus auxilium contra tartaros enumeransque quae egerit, ut se tantum praestaret, dicit: duas filias nostras, *duobus ducibus ruthenorum* et tertiam duci Poloniae tradiotimus in uxores... Нарушевичъ разумѣетъ здѣсь Констанцію—жену Леонову, жену Ростислава и Анну или Юліанну, жену Болеслава Краковскаго, причемъ основательно опровергаетъ мнѣніе Прая и ученаго францисканца Збаралла, считающихъ Констанцію женою Даніила [11]). Дѣйствительно, „жена Болеслава бѣ дщи короля Угорскаго именемъ Кинька" [12]) (Kinga). Изъ дѣтей Мстислава Даниловича, женатаго на дочери князя Половецкаго *) (Нарушевичъ), упоминается сынъ Даніилъ, подъ 1280 г. [13]) Василько Романовичъ, женатый на дочери Лешка Бѣлаго Еленѣ [14]), имѣлъ единственнаго сына Владиміра, женатаго на Ольгѣ, дочери Романа Брянскаго [15]), и дочь Ольгу, выданную за Андрея Всеволодовича Черниговскаго [16]). Владиміръ умеръ бездѣтнымъ 1289 г. [17]). У Льва I былъ сынъ Юрій и дочь Святослава **), ревностная католичка. Она поступила въ монахини св. Клары, вмѣстѣ съ вдовою Болеслава Стыдливаго, и умерла 1304 г. [18]). Юрій Львовичъ, крещеный Войшелкомъ [19]), женился въ Суздалѣ [20]) и имѣлъ, кромѣ Андрея и Льва, сына Михаила [21]), умершаго 1284 г. „младу сущу ему" и, по всѣмъ вѣроятіямъ дочь Марію, супругу Мазовецко-Черскаго князя Тройдена Болеславича, умершаго 1341 г. (idus Martii) по Чарнковскому, Длугошу и Нарушевичу. Длугошъ приписываетъ женѣ Тройдена русское происхожденіе: „1341. ducissa Czirnensis Maria moritur, uxor Trojdeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione ruthena" [22]). Нарушевичъ призналъ извѣстіе Длугоша не вѣрнымъ, принявъ эту Марію за жену Болеслава Тройденовича, на основаніи словъ Витодурана, что жена Краковскаго короля Казиміра Альдона, крещеная по латинскому обряду Анной, приходилась сестрою жены Русскаго государя, умершаго

---

*) Половецкаго князя Тегака лѣтописецъ называетъ сватомъ Даніила (Ипат., стр. 543).

**) Въ одной грамотѣ Льва сказано: „А втое *дити* нашіе не вступаются" (Зубр. Критич. пов. о Черв. Руси, прилож. стр. 19).

отъ яда [23]); но тутъ разумѣется не Марія Гедиминовна, ибо, по Тверской нашей лѣтописи [24]), она въ 1319 г. вышла за князя Димитрія Михайловича. Очевидно, слѣдовательно, что Болеславъ Тройденовичъ былъ женатъ на другой какой либо дочери Гедимина, имя которой Длугошъ не зналъ (1331. Boleslaus dux Masoviae et Russiae uxoratur et accipit in uxorem filiam Gedymini ducis Lithuaniae, gentilem et barbaram [25]) и которую не надо смѣшивать съ Даимилою Гедиминовной (она же Елизавета), женою Ваньки Мазовецкаго, брата Тройдена (сына Болеслава Сомовитовича). Въ грамотѣ 1351 г. Казиміръ В. зоветъ эту Елизавету „sororem nostram carissimam", т.-е. сестрой жены своей Анны Гедиминовны [26]).

Не берусь опредѣлить въ точности — съ какою именно постепенностью расширялась власть Юрія II въ Западной Руси. По словамъ хроники Іоанна Чарнковскаго: «Post hoc... Boleslao filio Troyden. ducis Masoviae, quem rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interempto..» [27]) Чарнковскій не поясняетъ, когда русины единогласно провозгласили Болеслава Тройденовича своимъ государемъ, но вслѣдъ затѣмъ лѣтописецъ продолжаетъ: — «Lubardus filius Gedimini ducis Litvanorum eundem ducatum Russiae possidebat». Сжатый и потому нѣсколько темный разсказъ Чарнковскаго приходится освѣщать другими данными. По смерти Андрея и Льва II Владимірское и Луцкое княжества или по наслѣдству, или по завоеванію Гедиминомъ (вопросъ этотъ остается открытымъ), перешли къ Любарту Гедиминовичу, женатому, по мнѣнію большинства изслѣдователей, на дочери Андрея Юрьевича Бучѣ [28]). Полагаютъ нѣкоторые, что къ владѣніямъ Любарта присоединена была временно и *вся* Галицко - Перемышльская область, хотя этому противорѣчатъ указанія лѣтописей о владычествѣ Татарскаго хана Узбека въ большой части юго-западныхъ Русскихъ земель [29]) и то обстоятельство, что въ фундушевой записи отъ 8 декабря 1322 г. *), писанной „въ великомъ Луцку", на села Рожище, Теремное, Буцу, Мелчъ и др. въ пользу Луцкой соборной церкви Іоанна Богослова, Любартъ называетъ себя Луцкимъ и Владимірскимъ княземъ: „Милостію Божіею и светое его Богоматери и светого Іоанна Богослова я, Любартъ Кгедеминовичъ, Луцкій и Владимірскій князь..." Другая фундушевая запись (не извѣстно какого года) сдѣлана „великимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ въ пользу Богородичной церкви во Владимірѣ на села Сушич-

---

*) Дашкевичъ по недоразумѣнію не допускаетъ, чтобы грамота была помѣчена 1322 г. (Замѣтки по ист. литов.-русск. госуд. стр. 96, прим. 2).

но и озеро Стобуховъ“ съ данью медовою и грошовою, со всею страдбою и землею ловною и пашною, бобровыми гонами и доходами [30]). Позднѣе, напр., въ грамотѣ Торунскимъ гражданамъ на право проѣзда съ торговою цѣлью чрезъ Брестъ, Дрогичинъ и Мельникъ до Лупка, данной отъ имени Кейстута и Любарта Любартъ называетъ себя просто княземъ [31]). Такимъ образомъ призваніе Болеслава Тройденовича Русскими на княженіе могло послѣдовать около 1324 г. при томъ только въ одной Владиміро-Волынской области, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію Кромера [32]) и Длугоша [33]), при первоначальномъ занятіи Руси самъ Любартъ принужденъ былъ считаться съ природными Русскими князьями; — что когда Болеславъ хотѣлъ вступить въ Львовъ, то дружина умершаго князя заперла передъ нимъ городскіе ворота и согласилась признать его Русскимъ княземъ лишь съ условіемъ, чтобы онъ подчинялся народной волѣ (Зиморовичъ) и что единовременное провозглашеніе его княземъ во всѣхъ обширныхъ Малорусскихъ областяхъ по естественнымъ причинамъ было немыслимо. Въ г. Львовѣ мы встрѣчаемъ Болеслава Тройденовича не ранѣе 1334 г. (см. третью грамоту). Не задолго до того онъ и былъ провозглашенъ княземъ Галицко-Владимірскимъ, при дѣятельномъ, конечно, содѣйствіи своего покровителя Владислава Локотка. Словомъ, онъ сдѣлался, по моему мнѣнію, княземъ *всей* Малой Руси именно около того времени, когда по убѣжденію Шараневича, Зубрицкаго *) и многихъ другихъ онъ былъ *первоначально* призванъ на русское княженіе послѣ мнимой смерти Юрія II. Въ связи съ приведеннымъ событіемъ находится извѣстіе Длугоша и др., что Литовскіе князья съ Русскимъ княземъ Давидомъ и русскими войсками опустошали землю Мазовецкую между 1324—1336 **).

Для историковъ, отличающихъ личность Юрія II отъ личности Болеслова Тройденовича, исходною точкою служитъ лѣтопись Іоанна Чарнковскаго. Выдержки изъ нея обыкновенно приводятся въ различныхъ редакціяхъ, напр. Шараневичъ и Зубрицкій, полагаясь на старѣйшее Зоммерсбергово изданіе, читаютъ такъ: Post coronationem Casimiri anno 1333 non multo tempore mortuo magnifico principe Kazimiro (dicto Georgio) totius regni Russiae duce, Frojden dux Masoviae (rectius filius ejus Boleslaus) qui avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat» [34]). Рже-

*) Годъ смерти Юрія Андреевича они полагаютъ 1337.

**) Срав. Антоновича. Моногр. по ист. зап. Руси, стр. 43.

жабекъ болѣе полагается на редакцію въ изданіи Бѣлевскаго: «et post non multo tempore mortuo magnifico principe Kazimiro dicto Georgio totius regni Russiae duce filio Troydini ducis Mozoviae, qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat veneno per Ruthenos intoxicatus interierat...» По второй, болѣе полной и ясной (редакціи), Казиміръ Польскій въ 1340 г. предпринялъ походъ на Червонную Русь „по смерти великаго князя Казиміра, называемаго Юріемъ, главы всего Русскаго государства, сына Мазовецкаго князя Тройдена, который Казиміръ наслѣдовалъ Русскій княжескій столъ своему дядѣ“ и т. д. Первая редакція темна вслѣдствіе искаженія лѣтописи съ пропускомъ одного или двухъ словъ. Вторая редакція понятна, но въ ней Георгій названъ Казиміромъ. Ржежабекъ объясняетъ эту несообразность ошибкою автора хроники, который, будто бы, начавъ писать въ 1370 г. на память, по забывчивости перепуталъ имена. Едва ли справедливо приписывать ошибку самому лѣтописцу. Правильнѣе отнести ее (если только она есть, и Болеславъ не носилъ еще третьяго имени Казиміръ) къ позднѣйшему времени и приписать малограмотному переписчику, которому все мерещилось имя Казиміра Великаго, гремѣвшее въ Польшѣ. Тѣмъ легче могъ ошибиться переписчикъ, что рядомъ идетъ рѣчь о походѣ на Русь Польскаго короля. Впрочемъ, при возстановленіи подлиннаго текста лѣтописи, разночтенія въ отдѣльныхъ словахъ, не подрывая достовѣрности лѣтописнаго показанія, если въ различныхъ спискахъ сущность событія изложена одинаково, обязываютъ всякаго осторожнаго изслѣдователя отбросить слова сомнительнаго происхожденія. Коль скоро мы устранимъ двукратно повторенное въ нѣкоторыхъ спискахъ имя Казиміра, то вмѣстѣ съ тѣмъ устранятся и порождаемыя неумѣстною вставкою или замѣною имени Болеслава недоразумѣнія. Еслибы, однако позволительно было принять *среднюю* редакцію, то сущность описываемыхъ Чарнковскимъ съ 1333 г. событій я передалъ бы такъ: „Вскорѣ послѣ того, какъ русины отравили сына Мазовецкаго князя Тройдена - Болеслава, преемника, въ Русскомъ княжествѣ, послѣ своего покойнаго дяди по матери, великаго князя Русскаго Казиміра *Георгіевича*, Казиміръ Великій, вознамѣрившись отомстить за смерть своего родственника, нагрянулъ на Русь... При такомъ чтеніи avunculus Болеслава Андрей Юрьевичъ носилъ бы еще другое имя Казиміра *). По Чарнковскому

*) Вспомнимъ, что уже отецъ Андрея Юрій I, отъ имени котораго неизвѣстна ни одна жалованная грамота православнымъ церквамъ и монастырямъ, употреблялъ латинскую печать, привѣшенную къ грамотѣ Андрея и Льва 1316 г. „Domini

Георгій умеръ послѣ восшествія на престолъ Казиміра Великаго, имѣвшаго мѣсто въ 1333 г. По другимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Русскій князь отравленъ во Владимірѣ 25 марта 1340 г. [35]). Краткость изложенія Чарнковскаго не позволяетъ думать, чтобы онъ относилъ это происшествіе къ болѣе раннему моменту.

Ржежабекъ мастерски раскрываетъ передъ нами процессъ хитросплетеній, посредствомъ которыхъ Владиславъ Локотокъ, по внушеніямъ папы, постепенно склонилъ легкомысленнаго Болеслава Тройденовича къ измѣнѣ православію. Ошибочно лишь представляется мнѣ мысль почтеннаго ученаго, основанная на письмѣ папы къ Локотку съ просьбою содѣйствовать обращенію Болеслава въ лоно римско-католической церкви *), о принятіи Болеславомъ православія *въ зрѣломъ возрастѣ.* Едва ли не всосалъ онъ православіе съ молокомъ матери. Переписку о гибельномъ для Западной Руси переворотѣ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Болеслава (извѣстную, впрочемъ, Нарушевичу) Ржежабекъ подвергъ такому тщательному анализу, что исчезаетъ всякая тѣнь сомнѣнія насчетъ перехода Георгія II въ латинство. Но и здѣсь въ одномъ пунктѣ нельзя согласиться съ Ржежабекомъ. По его предположенію, опирающемуся на показаніи Длугоша подъ 1331 г., Галицко-Владимірскій князь крестилъ свою невѣсту-язычницу, дочь Гедимина, въ мазовецкомъ городѣ Плоцкѣ, не иначе какъ по латинскому обряду, слѣдовательно и самъ князь исповѣдовалъ уже тогда римско-католическую вѣру, а такъ какъ единогласное избраніе Болеслава на русское княженіе показываетъ, что онъ передъ тѣмъ былъ православнымъ, то Ржежабекъ признаетъ за истину, что онъ избранъ на Галицко-Владимірскій столъ до своего возвращенія въ латинство, т.-е. ранѣе 1327 г. Противъ этого замѣчу, что православіе было сильно распространено при дворѣ Мазовецкихъ князей еще въ XIV вѣкѣ. Такъ, въ актахъ 1339 г. упоминается настоятель приходской церкви Св. Георгія въ Варшавѣ, гдѣ проживалъ тогда князь Казиміръ Мазовецкій [36]). Въ письмѣ папы Гонорія III отъ 1221 г. на имя Остридгомскаго архіепископа аббатство Вышегродское названо мѣстомъ „Craiorum monachorum ab antiquo ibidem existentium [37]). Вышегродъ здѣсь разумѣется вѣроятно тотъ самый, который далъ Даніилу Романовичу Болеславъ, сынъ Конрада Мазовецкаго, когда (1240 г.) Даніилъ пришелъ въ Мазовію [38]). Православныхъ церквей не мало насчитывалось въ XIV вѣкѣ

Georgi regis Russiae". Самыя грамоты Русскихъ князей до XIV в. никогда не писались по-латыни. Волынскій лѣтописецъ относится къ Юрію I несимпатично.

*) См. Theiner. Mon. Pol. I, 299, № 383.

и въ глубинѣ Польши. Нарушевичъ (Луцкій епископъ), дорожа исторической правдой, повѣствуетъ, что въ 1292 г. епископомъ Краковскимъ состоялъ Прокопій, герба Корчакъ, изъ русиновъ [39]). Его называли *владыкой* „Episcopum Cracoviensem vocari Wladicam Cracoviensem [40]). Въ Краковѣ до XV в. богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Лешекъ Казиміровичъ былъ похороненъ въ краковской церкви Св. Троицы [41]). Послы папскіе предлагали Даніилу Романовичу короноваться въ Краковѣ [42]) Въ Сандомірѣ была православная церковь, сожженная татарами, гдѣ въ 1211 г. погребена Аделаида, дочь Казиміра Справедливаго и Елена, дочь князя Всеволода Мстиславича Белзскаго [43]). Въ Краковской области извѣстны шесть древле-православныхъ церквей во имя Св. Климента, часть мощей котораго была взята Владиміромъ Св. изъ Херсонеса [44]). Церковь честнаго креста на Лысой горѣ, основанная Болеславомъ Храбрымъ „per Wladislaum secundum Polonie regem (Ягайло) pictura graeca exarnata“ [45]). И такъ, Георгій Тройденовичъ крестилъ свою невѣсту скорѣе по православному обряду. Преданность православію русскаго населенія Малой Руси, за немногими исключеніями, что доказывается самымъ фактомъ убійства Георгія Тройденовича за измѣну (по выраженію Чарнковскаго) „русскимъ законамъ и вѣрѣ, причемъ съ нимъ погибли nonnulli alii Christofideles, и папскими посланіями, свидѣтельствующими на твердость русиновъ въ своей вѣрѣ [46]) (язической, по выраженію папы), даетъ право заключить, что онъ рѣшился на нее весьма незадолго до своей смерти, и во всякомъ случаѣ позднѣе 1333 г., какъ видно отчасти и изъ разсказа Чарнковскаго. Переходу этому способствовало давно уже возникшее въ Червонной Руси религіозное броженіе, начало которому положено было усиліями апостольской столицы навербовать приверженцевъ среди высшаго православнаго духовенства. Броженіе это наглядно выразилось между прочимъ въ поступкѣ произвольно безъ вѣдома Цареградскаго патріарха, провозгласившаго себя Галицкимъ митрополитомъ Исидора, котораго въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузенъ извѣщалъ, что находящіяся въ Малой Руси святѣйшія епископіи должны снова подчиниться митрополіи Кіевской и всея Руси. Подобное же постановленіе издано было и самимъ патріархомъ [47]). Объ отдѣленіи Галицкой митрополіи отъ Кіевской и о рукоположеніи въ митрополиты своего сторонника — Галицкаго епископа Антонія усиленно хлопоталъ Казиміръ Великій въ письмѣ къ Цареградскому патріарху Филоѳею отъ 1371 г. [48]). Гораздо ранѣе, вскорѣ по смерти Юрія II (между 1342—1352), прибылъ въ Перемышль Римскій епископъ Иванъ, преемникомъ котораго папа наз-

начилъ Николая Русина, преора Доминиканскаго монастыря въ Сандомірѣ [1]). Благопріятная почва для распространенія латинства въ Западной Руси, издавна платившей ежегодную дань папамъ (письмо Локотка къ папѣ Іоанну XXII), наиболѣе подготовлена была Юріемъ II, и при немъ „numerum et ritum latinorum illic multiplicasset“ (Витодуранъ).

Перехожу къ взгляду Ржежабека на участіе въ послѣднихъ грамотахъ Юрія II важнѣйшихъ галицко-владимірскихъ сановниковъ, привѣсившихъ къ нимъ свои печати. Опровергая мнѣнія Карамзина, Зубрицкаго, Шараневича и др., объясняющихъ это участіе опекой или регентствомъ по причинѣ несовершеннолѣтія или же слабоумія князя,—Ржежабекъ обращаетъ вниманіе на то, что совѣтъ является на ряду съ княземъ только въ двухъ позднѣйшихъ грамотахъ, подъ конецъ его княженія, и причину возникновенія совѣта ищетъ въ чрезмѣрномъ усиленіи за послѣдніе шесть лѣтъ власти крамольнаго боярства, ограничившей центральную власть до того, что князь не могъ заключать договоровъ, не испросивъ согласія не только высшихъ государственныхъ чиновъ, но и простыхъ правителей отдѣльныхъ областей [1]). Какъ наглядный примѣръ распаденія княжества Романовичей на составныя свои части, Ржежабекъ приводитъ совершенныя галичанами противъ воли князя въ 1330 г. набѣги на восточную Венгрію, въ качествѣ союзниковъ татаръ и валаховъ противъ воеводы Базарада. Постараемся раскрыть значеніе такъ-называемаго историками княжескаго совѣта, ограничившаго будто бы власть Юрія II.

Помѣщенное въ двухъ грамотахъ имя Димитрія detko, назвавшаго себя въ грамотѣ, изданной во Львовѣ 1343 г. торнскимъ купцамъ „Demitrius Detko provisor seu capitaneus terrae Russiae“ [5]), породило догадку, что это и былъ одинъ изъ княжескихъ опекуновъ, или какъ его называютъ Шараневичъ и Иловайскій, „дядька“, „пѣступъ“, „кормиличичъ“. На мой взглядъ между detko и дядькой ничего нѣтъ общаго. Согласенъ, что detko нельзя считать прозвищемъ потому что въ одной грамотѣ послѣ Demetry detkone стоитъ nostro. По отношенію къ другимъ лицамъ въ древнихъ памятникахъ письменности это выраженіе встрѣчается только однажды. Именно, въ грамотѣ князя Льва Даниловича отъ 1292 г..... „Богу и пречистой Богоматери и св. препо-

---

[1]) Антоновичъ приписываетъ это ограниченіе власти Галицко-Владимірскихъ князей дружинникамъ, „которые подчиняютъ наконецъ князя совѣту боярь, доставлявшихъ какъ бы постоянный сенатъ, руководившій его политическими дѣйствіями“ (Моногр. по ист. З. и Ю.-З. Руси, стр. 19).

добному отцу Онуфрію дали есмо монастырь Лавровъ Антонію владици якъ нашъ *датко* князь великій Лаверъ придалъ въ богомольство" *). Значитъ, составитель грамотъ Юрія II употребилъ чисто руській терминъ, съ передачею его латинскими буквами, подобно тому, какъ въ договорѣ съ Семовитомъ отъ 1358 г. Кейстутъ назвалъ своихъ бояръ „boyarini" (см. рим. 92). Быть можетъ, князь Лаверъ тотъ же тысяцкій Лаврентій, сыновья котораго пали въ битвѣ съ поляками подъ *Воротами*, кончившейся полнымъ пораженіемъ Шварна Даниловича и Владиміра Васильковича **). Detko есть ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣтко. Кому приходилось изучать западно-руское право, тому хорошо извѣстно какую роль игралъ дѣтко или дѣтскій при княжескомъ дворѣ. На него возлагались крайне разнообразныя порученія. Онъ являлся и въ качествѣ *посла* (чаще всего), также какъ епископъ ***), и въ качествѣ дворецкаго-княжескаго, и въ качествѣ старосты. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи дѣтскіе приравниваются къ боярамъ. „Володимеръ рече, въ зрѣвъ на дѣцкыя: а се будуть мои бояре" [4]). Дѣтскіе дѣлились на старшихъ и меньшихъ [5]). Въ началѣ XIV вѣка дѣтскій между различными функціями сохранилъ значеніе полномочнаго посла, какъ видно изъ руско-ливонскихъ актовъ [6]). Гораздо позднѣе дѣтскій выродился въ судебнаго пристава [7]). Совершенно иное—дядька. Просматривая внимательно Волынскую лѣтопись, мы находимъ слѣдующій интересный разсказъ подъ 1202 г. Галицкіе бояре, по наущенію Игоревичей, захватили Галичъ, предназначенный Угорскимъ королемъ для малолѣтняго Даніила Романовича. Вдова княгиня съ дѣтьми Даніиломъ и Василькомъ бѣжала во Владиміръ послѣ того какъ Рюрикъ привелъ кормиличича, изгнаннаго Романомъ Мстиславичемъ „не вѣри ради: славяху бо Игоревича", но и тамъ Игоревичи не оставили ее въ покоѣ и требовали ея выдачи, намѣреваясь искоренить племя Романово. Узнавъ о заговорѣ, княгиня сотворила „совѣтъ съ Мирославомъ съ дядькомъ" и ночью бѣжала въ Польшу. Даніила взялъ дядька и также удалился изъ города; Василька же схватилъ попъ Юрій съ кормилицею. Они нашли пріютъ у Польскаго короля Лешка. Берестьяне, отличавшіеся особенною преданностью Роману Мстиславичу, выпросили у Романовой ея дѣтей „абы дасть имъ да

---

*) Зубрицкій. Критич. пов., прилож. стр. 16—19.

**) По Длугошу и Крамеру битва происходила недалеко отъ Ропшицы, подъ *Пятой*. Сравн. Ипат. стр. 572 и Нарушев. Ист., т. IV, стр. 78. 1266 г.

***) См. О посольствѣ епископовъ: Ивана 1261, Евсевія 1287, Мемнона 1288, Марка 1289 и т. д. (Ипат.).

владѣетъ ими“ (т.-е. Берестьянами). Далѣе о Мирославѣ упоминается подъ 1209 г. при описаніи бѣгства Романовой въ Венгрію съ сыномъ Даніиломъ и Вячеславомъ Толстымъ, и Василька съ Мирославомъ въ Белзъ. Когда Василько поѣхалъ на свадьбу къ шурину своему, великому князю Юрію, то взялъ съ собою Мирослава [55]). Тотъ же Мирославъ, „смутившись умомъ“, заключилъ миръ съ королемъ Венгерскимъ Андреемъ безъ совѣта князя Даніила и брата его Василька, а вслѣдъ затѣмъ уступилъ Белзъ и Червенъ князю Александру [56]). Лѣтописныя свѣдѣнія о Мирославѣ гласятъ, что по достиженіи Даніиломъ и Василькомъ зрѣлаго возраста, онъ занялъ постъ воеводы начальника. Подъ старость дядька зазнался до того, что безъ вѣдома князя сталъ произвольно распоряжаться цѣлыми областями. Все это сходило ему съ рукъ. Повидимому Даніилъ былъ съ нимъ неразлученъ въ своихъ походахъ и нерѣдко подчинялся его совѣтамъ, хотя и каялся въ послѣдствіи. Какъ-то разъ Мирославъ уговорилъ его двинуться на Половцевъ, несмотря на то, что Даніилу, утомленному походами, хотѣлось домой. Около Звенигорода Даніилъ наткнулся на половецкія полчища. Мирославъ, предвидя опасность, сталъ совѣтовать князю возвратиться, но Даніилъ гордо отвѣтилъ: „воину, рѣшившемуся пойти на врага, подабаетъ либо побѣдить, либо пасть съ честью на полѣ битвы; я самъ отговаривалъ тебя отъ рискованнаго дѣла. Теперь ты малодушно хочешь отступить. Не остерегалъ ли я тебя, что неблагоразумно усталымъ воинамъ бросаться въ сѣчу съ бодрымъ врагомъ? Чего же теперь струсилъ? За мною, впередъ“! Сѣча была кровопролитная. Подъ Даніиломъ палъ его гнѣдой конь. Князь вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, а Мирославъ попался въ плѣнъ [57]). Вотъ біографія княжескаго дядьки. Таковы же были, по своему положенію, при княжескомъ дворѣ кормиличичъ Святослава Асмудъ [58]), „когда князь бѣ велми дѣтескъ“, кормиличичъ и вмѣстѣ воевода Ярослава Будый (1018 г.); кормилецъ княжича Владиміра Андреевича, когда онъ „младъ бѣ“, не пустившій его биться съ Изяславомъ Кіевскимъ (1151); кормилецъ князя Владиміра Дорогобужскаго и вмѣстѣ посадникъ бояринъ Павелъ. Словомъ, дядька или кормиличичъ *) былъ *воспитатель*

---

*) Мрочекъ-Дроздовскій (Изслѣд. о Русск. Правдѣ, вып. II, стр. 185) справедливо полагаетъ, что званіе кормильцевъ переходило къ потомству какъ отчество *кормиличичъ*. Таковъ былъ Володиславъ кормиличичъ, вокняжившійся въ Галичѣ. Въ подтвержденіе мнѣнія Мрочекъ-Дроздовскаго можно указать на Семена *дядьковича*, являющагося въ качествѣ посла Льва Даниловича 1289 г. „Левъ посла къ Юрію Семена своего дядьковича“ (Ипат., стр. 612).

малолѣтнихъ князей („Ольга кормящи сына своего до мужьства его и до възраста его"). Мирославъ принималъ въ критическихъ случаяхъ, по приглашенію матери Даніила и Василька, непосредственное участіе въ семейныхъ совѣтахъ, а когда они подросли, то сдѣлался ихъ ближайшимъ сподвижникомъ и пользовался ихъ милостями. Что избраніе и удаленіе дядьки или кормиличича вполнѣ зависѣло отъ родителей, показываютъ 1) предсмертныя слова Мстислава Ростиславича въ 1179 г.: „Мстиславъ, взрѣвъ на дружину свою и на княгиню... и нача имъ молвити: се приказываю дѣтя свое Володиміра Борисови Захарьичу"... Этотъ самый Борисъ Захарьичъ въ слѣдующемъ году командовалъ „полкомъ своего княжича" *); 2) расправа Романа Мстиславича съ дядькой его дѣтей, который осмѣлился ему перечить, и т. под. Опека надъ малолѣтними князьями принадлежала также всецѣло родителямъ. Лучше всего доказывается это совмѣстнымъ княженіемъ Даніила и Василька съ матерью („княжаста съ матерью своею") и отношеніями Романовой къ Литовскимъ князьямъ, при малолѣтствѣ Даніила и Василька. „Въ 1215 г. прислаша князи литовскии къ великой княгини Романовѣ и Даниловн и Васильковн миръ дающе" *). Слѣдовательно, еслибы даже какія либо грамоты Юрія II совпадали съ малолѣтствомъ его (чего нельзя полагать), то и тогда при жизни его православной матери (умершей послѣ 1340 г.), нельзя было бы допустить существованіе боярской надъ нимъ опеки. Воспитатель же князя, по крайней мѣрѣ по достиженіи послѣднимъ зрѣлаго возраста, едва ли могъ въ качествѣ соопекуна, или дядьки, подписывать договорныя грамоты, а Юрій II, женившійся въ 1331 г., въ 1334 г. несомнѣнно былъ совершеннолѣтенъ. Призваніе его на русское княженіе совершилось, какъ мы видѣли, около 1324 г., и уже въ первыхъ двухъ грамотахъ онъ является самостоятельнымъ княземъ. Иначе не имѣло бы смысла настояніе папы въ 1327 г. направленное къ отвращенію Юрія II отъ дизуніи, и непонятною, вообще, осталась бы переписка папы съ самимъ Юріемъ, имѣвшая несомнѣнно мѣсто въ томъ же году, судя по сохранившемуся письму и по выраженію папскаго посланія къ Локотку: cui (т.-е. Юрію) super hoc per alias nostras litteras scribimus". Коль скоро появленіе подписей бояръ на грамотѣ Юрія II не служитъ признакомъ учрежденія надъ нимъ опеки,

---

*) Ипат., стр. 488 и 492. Въ послѣдствіи Романовая имѣла большое вліяніе на Даніила. Такъ, когда папскіе послы предложили Даніилу королевскій вѣнецъ: „оному не хотящу, и убѣди его *мати* его. (Ипат., стр. 548).

то и о душевныхъ недугахъ Юрія II нѣтъ надобности распространяться, тѣмъ болѣе, что въ грамотѣ на введеніе Магдебургскаго права въ Санокѣ, отъ 20 января 1339 г. князь удостовѣряетъ, что она дана при здравомъ состояніи его тѣла и души,—хотя Длугошъ утверждалъ, что Мазовецкіе князья вообще страдали наслѣдственною болѣзнью — сухоткою.

Постараемся объяснить происхожденіе рѣзкой перемѣны во внѣшней формѣ договоровъ заключенныхъ Юріемъ II съ крестоносцами. Могущество послѣднихъ въ началѣ XIV столѣтія стало возростать въ небывалыхъ размѣрахъ. Обезпечивъ себя договорами съ Русскимъ княземъ, а также съ князьями Мазовецкими Вацлавомъ и Сомовитомъ Болеславовичами (Нарушевичъ, подъ 1326 г.) нѣмецкіе рыцари, озлобленные покореніемъ Кульмской земли поляками (въ 1328), завладѣли всѣмъ поморьемъ, принадлежавшимъ Польшѣ и стали угрожать ея независимости. По смерти Локотка, въ началѣ 1333 г., сынъ его Казиміръ Великій заключилъ съ крестоносцами перемиріе, предшествовавшее послѣднимъ двумъ договорамъ ихъ съ Галицко-Владимірскимъ княземъ. Въ силу первыхъ договоровъ Юрій II не предпринималъ враждебныхъ дѣйствій противъ ордена. Послѣдними грамотами утверждались прежнія пріязненныя отношенія; поэтому появленіе въ нихъ именъ высшихъ сановниковъ оправдывалось бы уже однимъ обоюднымъ стремленіемъ договаривающихся сторонъ придать мирнымъ грамотамъ больше устойчивости. Подписи бояръ и воеводъ гарантировали соблюденіе со стороны Русскаго князя мирныхъ условій. Но я сказалъ, что всѣ области, входившія въ составъ Галиціи и Владиміріи, признали надъ собою власть Юрія II около 1333 г. Фактъ этотъ самъ по себѣ долженъ былъ повліять на внѣшнюю форму грамотъ, которая постепенно вылилась соотвѣтственно исконнымъ обычаямъ въ международныхъ сношеніяхъ великихъ князей Русскихъ. Вспомнимъ какъ совершались договоры Руси съ иностранцами еще въ X вѣкѣ. Договоръ Олега съ Греческими царями Львомъ и Александромъ 911 г. заключенъ отъ имени великаго князя „и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ“,—и „отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси“. Послы Игоря заключили договоръ съ греками въ 945 г., отъ имени великаго князя, „и отъ всякая княжья, и отъ всѣхъ людей рускія земли“, и клялись сохранить его „отъ Игоря, и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей отъ страны Рускія“. Въ 971 году обязательство Святослава не нападать на владѣнія грековъ укрѣплено клятвою какъ его, такъ и бояръ и всей Руси хранить „правая свѣщания“. То же самое, съ нѣкоторыми измѣненіями

и за небольшими изъятіями, мы видимъ въ позднѣйшихъ договорахъ Руси съ иноземцами.

Подобные договоры въ Галицко-Владимірской Руси заключались при участіи вѣча, которое мы въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ во всѣхъ главнѣйшихъ ея городахъ Перемышлѣ, Галичѣ, Владимірѣ, Звенигородѣ, Львовѣ и другихъ. Въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ Романъ Мстиславичъ, „самодержца бывша всей русской земли“, и Даніилъ, обладавшій Галичемъ, Владиміромъ и Кіевомъ [60]), совѣщались съ своею старшею, а иногда и младшею дружиною. Почти всѣ грамоты Льва Даниловича изданы по совѣщаніи его съ боярами: „А се я князь Левъ сгадавшися съ нашими бояры“... Не могъ и Юрій II обходиться безъ боярской думы, какъ не обходились безъ совѣщательныхъ собраній князья Польскіе и Мазовецкіе [61]). Откуда же, спрашивается, вытекаетъ усиленіе власти крамольнаго боярства? Правда, приходили въ угорскій Вышеградъ какіе-то русскіе бояре съ княземъ Влодко (Lodko) для переговоровъ съ Угорскимъ королемъ, но событіе это имѣло мѣсто подъ конецъ княженія Юрія II, въ 1338 г., когда онъ безобразнымъ своимъ поведеніемъ успѣлъ разжечь ненависть къ себѣ русиновъ, и хотя „мусилъ тотъ Лодко бути знакомитый князь, коли пріѣздъ его несповѣданный затрималъ короля въ Вышегородѣ и вспинялъ намѣренный отъѣздъ короля до Далмаціи, и не можъ сомнѣватися, що то былъ одинъ изъ князей воеводъ русскихъ, стоячій на челѣ Галицкихъ приверженцей короля Угорского“ [62]), но приведенныя обстоятельства могли бы намекать только на обособленіе нѣкоторыхъ земель Галицко-Владимірскаго княжества какъ удѣловъ (если только Влодко не являлся уполномоченнымъ отъ великаго князя), не имѣя никакой связи съ вопросомъ о развитіи боярской власти. Притомъ съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что Лодко былъ князь Молдавскій (Laczko dux Moldoviensis), о которомъ папа Урбанъ V писалъ, что въ 1370 г. онъ преведенъ къ соединенію съ Римомъ францисками и изъятъ изъ подъ зависимости Галицкаго схизматическаго владыки [63]). Ходъ событій скорѣе наводитъ на мысль о постепенномъ упадкѣ могущества боярскаго сословія въ Западной Руси, послѣ ярославской битвы 1249 г. *), вмѣстѣ съ ослабленіемъ православнаго элемента, о чемъ, кромѣ многихъ другихъ свидѣтельствъ, удостовѣряетъ и Густынскій лѣтописецъ, говоря, что „ляхи многихъ прел-

*) Шарапевичъ выразился, что въ этой битвѣ боярство было поражено и надломлено. Послѣ того лѣтописи ничего не упоминаютъ о борьбѣ бояръ съ князьями (Стародавный Львовъ, стр. 52).

ступна на свою вѣру", и этимъ объясняетъ возстаніе противъ поляковъ, въ 1343 г., Датки старосты Перемышльскаго и Даніила Острожскаго. Замѣчательно, что въ послѣдней грамотѣ, 1335 г., отсутствуетъ представитель власти духовной, подписавшій грамоту 1334 г., несмотря на то, что святительство Галицкаго епископа Ѳеодора продолжалось до 1338 г., когда посѣтилъ его епархію преемникъ Петра митрополитъ Кіевскій Ѳеогностъ [64]). Сближеніе съ Локоткомъ, руководившимъ своимъ названнымъ правнукомъ, и съ крестоносцами вызвало усиленный приливъ въ земли Русскія, опустошенныя войнами поляковъ и особенно нѣмцевъ. Магдебургское право, чуждое русскимъ древнимъ обычаямъ, широкимъ потокомъ разлилось по Западно-Русскимъ областямъ. Сохранился единственный и потому имѣющій необыкновенную цѣну памятникъ заботливости Юрія II насадить въ Червонной Руси нѣмецкое право, хотя есть косвенныя улики, разбросанныя по частнымъ грамотамъ XIV вѣка, гдѣ въ числѣ свидѣтелей совершаемыхъ актовъ иногда фигурируютъ войты, измѣны Юрія русской народности въ правовомъ быту.

Грамотою отъ 20 января 1339 г. Юрій II, называя себя «dux et heres regni Russie», жалуетъ въ вѣчное потомственное владѣніе вѣрноподданному своему Бартку изъ Сандомиріи войтовство въ своемъ городѣ Санокѣ, лежащемъ при рѣкѣ Санѣ, на правѣ Тевтонско-Магдебургскомъ, съ предоставленіемъ ему суда надъ всѣми обывателями, какого бы ни было состоянія, пола или національности, будетъ ли то нѣмецъ, полякъ, венгерецъ, либо русинъ. Со всѣхъ судебныхъ пеней одинъ динарій представлялся въ пользу Бартко и его наслѣдниковъ, а два динарія въ пользу князя, съ тѣмъ, чтобы никто, вопреки воли Бартко и его наслѣдниковъ, не нарушалъ его юрисдикціи въ предѣлахъ указанныхъ грамотою подъ страхомъ опалы, и разрѣшалось ему же свободное распоряженіе пожалованными угодьями. Грамота составлена во Владимірѣ, подписана Юріемъ, съ привѣшеніемъ печати, и скрѣплена Іоанномъ Лактой, Адальбертомъ войтомъ Бохніи, Варѳоломеемъ войтомъ Варшавскимъ, Іоанномъ Бруно и Львомъ Сѣвичскимъ.—Санокъ извѣстенъ въ XIII вѣкѣ, по Волынской лѣтописи подъ именемъ *воротъ Угорскихъ*, какъ одинъ изъ граничныхъ пунктовъ между Русью и Венгріею. Здѣсь между прочимъ „во Соноцѣ" снимался король Угорскій со ятровью своею по смерти Романа Мстиславича [65]). Юридическаго значенія этой важной грамоты я коснусь въ другой статьѣ. Въ настоящее время ограничусь замѣчаніями преимущественно относительно внѣшней ея стороны, отмѣтивъ по содержанію грамоты лишь одну особенность. Въ русскомъ городѣ Санокѣ при Юріи II жило смѣшанное населе-

ніе съ значительною примѣсью польскаго элемента, который усиливался раздачей земель полякамъ въ данномъ случаѣ Сандомірцу [1]). Пренебреженіе Юріемъ русской народностью доходило до того, что онъ въ грамотахъ ставилъ ее ниже другихъ (sive sit Theuthunicus, Polonus, Ungarus et Ruthenus).

Грамота не носитъ на себѣ признаковъ участія въ ея изданіи представителей Русскихъ областей. Въ ней титулъ нѣсколько отличается отъ титула грамотъ 1334 и 1335 г. Подписали громоту въ качествѣ свидѣтелей два войта: Бохнинскій (advocatus de Bochna) и Варшавскій (advocatus de Varssov), кромѣ другихъ лицъ, занимавшихъ неизвѣстно какое положеніе. Разница въ титулѣ не имѣетъ особеннаго значенія. Пропускъ слова totius можетъ объясняться тѣмъ, что грамота имѣла мѣстный, не общегосударственный характеръ; но въ подписяхъ много загадочнаго. Бохнія, гдѣ соленыя копи, ежегодный доходъ съ которыхъ впослѣдствіи былъ предоставленъ въ 1377 князю Белзскому Юрію въ количествѣ 100 гривенъ королемъ Угорско-Польскимъ Людовикомъ (Длугошъ), и въ 1383 г Мазовецкому князю Яну въ количествѣ 2400 злотыхъ женою Людовика королевой Елизаветой (см. прим. 90), всегда принадлежала къ Краковскому округу [67]) и въ ней Магдебургское право введено 1253 г. Болеславомъ Стыдливымъ съ учрежденіемъ войтовства (advocatus et sui successores una cum ministris earum a nemine nisi a nobis... iudicari debebunt...) [68]). Другую Бохнію Bochen мы находимъ въ Мазовіи, Варшавской губ., Ловичскаго уѣзда, гмины Домбровице, близъ самаго Ловича, но по сравнительному ничтожеству этого мѣстечка и по неимѣнію свѣдѣній объ учрежденіи въ немъ когда либо войтовства, мы не будемъ на немъ останавливаться. — Одною изъ резиденцій Мазовецкихъ князей Варшава является въ XIII вѣкѣ. Въ грамотѣ Конрада 1241 г. значится, что она «datum Varschoviae» [69]). Въ актахъ процесса, который велъ Казиміръ Великій, при поддержкѣ папы, съ крестоносцами изъ захваченныхъ ими польскихъ областей, за 1339 г., значится, что тамъ жилъ князь Мазовецкій Сомовитъ. Въ концѣ акта написано: «Actum in villa de Warszaw posnaniensis diocesis in domo advocati ipsius villae». Тамъ же упоминается Ian scriptor advocati varschaviensiz [70]). Мазовія (лѣтописная Мазовшъ) обнимала: собственно Мазовецкую область, земли Черскую, Варшавскую, Визнинскую, Вышегродскую, Закрочимскую, Цѣхановскую, Ломжинскую, Рожанскую, Ливскую и Нурскую, всю Плоцкую область, между рѣками Дзялдовской, Скрвой, Вислой, Оржичемъ, Лидиніей, Плонной и Мулгавой, и Равскую область: землею Равскую, Сохачевскую и Гостынскую. Нѣкогда обшир-

ная эта страна распалась на удѣльныя княжества по смерти Болеслава Кривоустаго. Въ 1207 г. Мазовецкій удѣлъ достался брату Лешка Бѣлаго Конраду родоначальнику князей Мазовецкихъ. Около половины XIII в. въ Мазовіи образовались княжества Плоцкое и Черское, а въ XIV вѣкѣ возникло княжество Варшавское [71]). По смерти брата своего Кондратъ прія Данила и Василька въ великую любовь [72]). Вмѣстѣ предпринимали они походъ на Калишъ [73]). Сынъ Конрада Болеславъ далъ Даніилу Вышоградъ (1240) г. и принялъ подъ свою руку князей Болоховскихъ, разселившихся отъ Божскаго и Дядькова (нынѣ, кажется, Боцки и Дядьковице, близъ р. Мухавца), въ Мазовіи, гдѣ заняли Губинъ, Кудинъ (Гомбинъ и Кутно Варш. губ.) и другіе города, откуда, вмѣстѣ съ Ростиславомъ Михаиловичемъ дѣлали набѣги на Галицкую землю. Изъ-за этого Даніилъ чуть не поссорился съ Болеславомъ, который, послѣ разоренія Даніиломъ городовъ Болоховскихъ князей, согласился „на избавленіе“ отъ послѣднихъ посредствомъ „многихъ даровъ“ отъ Даніила и Василька [74]). Лѣтописецъ отзывается о Конрадѣ какъ о „великомъ князѣ славномъ и предобромъ“. Когда онъ умеръ, то о немъ Даніилъ и Василько очень жалѣли. Потомъ „сынъ его умре Болеславъ Мазовецкій князь и вдасть Мазовешь брату своему Сомовитови, послушавъ князя Данила: бѣ бо братучада его за *нимъ* *) дочи Александрова именемъ Настасья яже посяже потомъ за бояриnа угорьского именемъ Дмитра“. [75]) Съ Сомовитомъ и наслѣдникомъ его Конрадомъ Сомовитовичемъ Галицко-Владимірскіе князья жили не менѣе дружно. Въ грамотахъ Самовитъ называлъ себя „Nos divina miseratione Semovitus dux Masoviae et terrae Cernensis“ [76]). Его убѣжденія повліяли на принятіе Даніиломъ королевскаго вѣнца отъ папскаго легата Опизы. Съ нимъ же Даніилъ ходилъ на Ятвяговъ [77]) Сомовита убили литовцы при нападеніи на гор. Ѣздовъ 1262 г. [78]). Сомовитъ оставилъ двухъ сыновей Конрада и Болеслава [76]). Спачала они враждовали между собою. Болеславъ, владѣвшій Визненскимъ и Черскимъ округами, а впослѣдствіи однимъ Черскимъ, нападалъ на Конрада въ г. Ѣздовѣ [77]), „княгиню Кондратовую и сыновную свою облупи“. Защитникомъ Конрада явился Владиміръ Васильковичъ. Соединившись, они по Вислѣ добрались до Сохачева, гдѣ Болеславъ произвелъ удачную вылазку, и оттуда поворотили къ Госты-

---

*) Т.-е. Болеславомъ Конрадовичемъ. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи сказано: „Даніилъ иде въ землю во Мазовецкую, ко Болеславу Кондратову сынови“ (Ипат., стр. 524).

ниму*) любимой резиденціи Болеслава. Взятіемъ этого города Конрадъ стяжалъ вѣнецъ побѣдный и сложилъ съ себѣ соромоту помочью брата своего Володимера[81]). Болеславъ изъ мести сталъ „злое творить“ Владиміру и Юрію Львовичу, но былъ наказанъ отнятіемъ г. Сохачева, при содѣйствіи Литовцевъ[82]). Владиміръ Васильковичъ былъ Конраду „во отца мѣсто“[83]). Когда Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ. Конрадъ пріѣхалъ къ нему въ Любомль, низко поклонился ему и горько плакалъ „видя болесть его и унынье тѣла его краснаго“[84]) (гніеніе его красиваго тѣла). Мстиславъ Даниловичъ принялъ Конрада Сомовитовича съ честью и съ любовью подъ свою руку, по завѣту Владиміра Васильковича, сказавъ ему: „како тя имѣлъ братъ мой и честилъ и дарилъ, и мнѣ дай Богъ такоже имѣти тя, и честити, и дарити, и стояти за тобою во твою обиду“, и обѣщалъ защищать его не щадя жизни, причемъ одарилъ его дорогими конями и роскошными одеждами. Мстиславъ сдержалъ свое слово, возведя Конрада на княженіе Сандоміреское „....и тако сѣде Кондратъ князь въ Судомирѣ княземъ Мстиславомъ, сыномъ королевымъ и его помочью“[85]).

Конрада Сомовитовича нашъ лѣтописецъ постоянно называетъ *братомъ* Владиміра Васильковича. Вдову Романа лѣтописецъ называетъ *ятровью* Лешка Бѣлаго, т.-е. невѣсткою, чрезъ жену его Гримиславу дочь Ингваря Ярославича[86]), а Владиміра Васильковича и Конрада Сомовитовича племянниками Болеслава Стыдливаго, сына Лешка Бѣлаго („Повѣда Володимеру *уй* его, князь Болеславъ, на *сыновца* своего на Кондрата. Бяшетъ бо у Болеслава сыновецъ пять. Сомовитовича два Конрадъ и Болеславъ...“[87]) Владиміръ и Конрадъ были троюродные братья, какъ показываетъ прилагаемая родословная таблица. Первый былъ послѣднему „въ отца мѣсто“[88]). Конрадъ Сомовитовичъ умеръ 1294 г. безпотомнымъ, переживъ нѣсколькими годами Владиміра Васильковича. Братъ же его Болеславъ Сомовитовичъ (†1313 г.), княжившій въ Краковѣ по Лешкѣ Черномъ**[89]), отъ брака съ литовкою Гаудемундою[90]) имѣлъ сыновей Тройдена и Сомовита, а отъ брака съ чехинею—Вацлава (онъ же Венцеславъ или Ванько), женатаго на Елизаветѣ, которую Казиміръ Великій называетъ въ гра-

---

*) Въ Гостынскомъ замкѣ впослѣдствіи содержался подъ стражей и умеръ Василій Шуйскій (Костомаровъ. Русск ист., т. I, стр. 705).

**) „По Лѣстьцѣ сѣде во Краковѣ Болеславъ Сомовитовичь, братъ Кондратовъ“. Левъ Даниловичъ въ 1291 г. въ союзѣ съ Болеславомъ и Конрадомъ Сомовитовичами и Локоткомъ долго боролся съ Генрихомъ Бротиславскимъ, захватившимъ Краковъ (Ипат., стр. 614 и 615).

мотахъ сестрою своею; по объясненію Парушевича потому, что она приходилась сестрою его жены, какъ дочь Гедимина, въ язычествѣ Данила. Время вступленія Тройдена на княженіе Черское неизвѣстно. Изъ нѣсколькихъ сохранившихся его грамотъ старѣйшая относится къ 1313 г. (дана въ Черскѣ). По Нѣсецкому въ 1300 г. Тройденъ и Сомовитъ пожаловали м. Латовичъ (надъ Свидромъ) Яну Никорскому. Позднѣйшая грамота Тройдена дана 1340 г. въ Варшавѣ. Въ первой 1313 онъ носитъ титулъ: „dux Czirnensis“, въ послѣдней „dux Masovie et dominus Czirnensi“. Ими жалуются имѣнья воеводѣ Христину и боярину Пакославу. Въ послѣдней онъ упоминаетъ о сыновьяхъ своихъ Сомовитѣ и Казимірѣ. Смерть его послѣдовала въ 1341 г. Сомовитъ и Казиміръ Тройденовичи первоначально „duces Mazowie ac domini Cirnenses“, въ грамотѣ 1345 г. ссылаются на своихъ seniores antecessores, называя ихъ „avus noster dux Boleslaus et pater noster dux Troydenus“. Казиміръ и Сомовитъ Тройденовичи въ качествѣ феодальныхъ князей, подвластныхъ Казиміру Великому [90]), участвовали въ заключеніи договора между Литвою и Польшею, который Шараневичъ относитъ къ 1354 г. *) Казиміръ Великій называетъ ихъ *сорудными* своими [91]), что согласуется съ выраженіемъ „pronepos tuus“ относительно Болеслава Тройденовича въ посланіи папы къ Локотку. Черезъ нѣсколько лѣтъ Сомовитъ Тройденовичъ, получивъ отъ Казиміра Великаго удѣлъ брата своего Казиміра (1355 г.), сосредоточилъ въ своихъ рукахъ большую часть Мазовіи (кромѣ Плоцкой области) и заключилъ договоръ съ Кейстутомъ (въ 1358 г.) о разграниченіи Мазовецкихъ земель отъ Литовскихъ [92]). Въ драгоцѣнной грамотѣ отъ 1355 г., заключающей въ себѣ договоръ Казиміра князя Цѣшинскаго и жены его Евфиміи съ Сомовитомъ и Казиміромъ Тройденовичами о Мазовецкомъ наслѣдникѣ, жена Тройдена именуется *Маріей*, а сама Евфимія является въ качествѣ ихъ дочери, прямой наслѣдницы, наравнѣ съ братьями, которыхъ Казиміръ Цѣшинскій называетъ „nostri sororii“... „per mortem felicissime recordacionis domini ducis Troideni ac Marie uxoris ipsius patris et matris ducum eorundem“ (т.-е. Сомовита и Казиміра) nostreque conthoralis [93]) (т. е. Евфиміи). Такъ подтверждается до извѣстной степени догадка о происхожденіи Болеслава Тройденовича отъ Маріи, дочери Юрія I, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что у Юрія II была сестра Евфимія.

Покончивъ съ грамотами Юрія II, займемся подробнымъ изслѣ-

---

*) Антоновичъ сближаетъ этотъ договоръ съ 1347.

дованіемъ записи Юрія Даниловича Холмскаго и оцѣнкой домысла Ржежабека о связи ея съ политикой Белзскаго князя Юрія Наримунтовича. Во время продолжительной борьбы Казиміра Великаго съ Литовскими князьями Любартомъ, Ольгердомъ и Кейстутомъ за Галицко-Владимірскую область, длившейся десятки лѣтъ съ перемѣннымъ счастьемъ, причемъ однажды Любартъ измѣнически былъ взятъ Казиміромъ въ плѣнъ *), заключено было нѣсколько договоровъ о раздѣлѣ Руси Червонной между Литвою и Польшею. Въ источникахъ, излагающихъ ходъ этой борьбы, ни одинъ изъ Русскихъ князей не именуется, хотя, описывая захватъ Казиміромъ Русскихъ земель въ 1349 г. **), что подтверждается содержаніемъ грамоты его отъ 5 декабря 1349 г. торунскимъ купцамъ на свободный проѣздъ во Владиміръ-Волынскій чрезъ Русскія земли (per terram nostram Russie transcundi "), польскіе лѣтописцы (Янъ Чарнковскій, Длугошъ) ссылаются на какихъ-то князей Русскихъ, оставленныхъ Казиміромъ при своихъ удѣлахъ послѣ принятія отъ нихъ присяги на вѣрность. Исторія сохранила намъ лишь имена нѣкоторыхъ русскихъ бояръ, геройски отстаивавшихъ свою родину (Тарло, Ишонка и др.). По договору около 1354 г. земля Львовская „исполна“ (вѣроятно съ Галицкою), за изъятіемъ Подоліи или Понизья, осталась за Польшей, а земли Владимірская, Луцкая, Белзская, Холмская и Брестская —за Литвою вслѣдствіе побѣды, одержанной надъ Казиміромъ князьями Любартомъ и Кейстутомъ, произведшими страшное опустошеніе въ землахъ Сандомірской, Радомской и Луковской (Чарнковскій и Длугошъ). Въ договорной грамотѣ между присутствующими значится князь Юрій Наримунтовичъ ***), внукъ Гедимина "). Въ 1366 г. Казиміръ предпринялъ походъ на князя Волынскаго Любарта и Юрія Белзскаго. Покорилъ снова Холмъ и принялъ вѣрноподданическую присягу отъ Юрія (Длугошъ). По трактату, заключенному между королемъ и князьями Литовскими, 1366 г., Казиміру уступлены замки: Владимірскій, Луцкій, уѣзды Городельскій, Любомльскій, Турійскій, Ратенскій, Коширскій и Влучимскій, Кременецъ, Перемиль. Олеско, Белзъ. Грабовецъ,

*) Акт. З. Россіи, т. I, стр. 1—2. Длугошъ, т. I, стр. 1150.

**) Съ 1343—1349 Западная Русь состояла подъ властью Любарта (Владиміръ-Волынская область) и князя Дашка Перемышльскаго (Галицко-Перемышльская область). Въ грамотѣ Людовика Венгерскаго отъ 20 мая 1344 послѣдній называется: „comes Dechk capitaneus ruthenorum“.

***) Наримунтъ Гедиминовичъ погибъ въ несчастной для литовцевъ битвѣ съ крестоносцами при рѣкѣ Стравѣ 1348 г.

Холмъ, Щебрешинъ и Лопатинъ. Въ письмѣ къ Цареградскому патріарху Казиміръ зоветъ себя королемъ Польши и Малой Россіи [96]).

По смерти Казиміра (1370 г.), съ переходомъ Червонной Руси, вмѣстѣ съ Польшей, подъ власть Угорскаго короля Людовика [97]), временно уступившаго ее одному изъ Пястовичей, Владиславу Опольскому [98]) (1372 - 1379 г.), Юрій Белзскій, державшій сторону Литвы, которая продолжала, особенно въ 1375 - 1376 г., свои набѣги на Холмскую, Люблинскую и Сандомірскую земли, съ цѣлью возвратить принадлежавшія ей Русскія области, и стремившійся къ сліянію съ нею своей волости, выступаетъ, по выраженію Чарнковскаго, виновникомъ (auctor) вторженія, въ 1377 г., угорскихъ войскъ, въ соединеніи съ польскими войсками Судивоя (или Тивуна) Шубинскаго, въ Белзскую и Холмскую земли. Послѣ восьмидневной осады Холмъ былъ взятъ приступомъ, а за нимъ Городло, Грабовецъ и Всеволожъ, съ пригородами, а наконецъ пала и сильнѣйшая крѣпость Белзъ. Юрій призналъ надъ собою верховную власть короля Польско-Угорскаго и получилъ обратно, въ видѣ лена г. Белзъ съ придачей Любачева (Длугошъ); по другимъ же извѣстіямъ, Юрію предоставленъ одинъ только Любачевъ (Чарнковскій и Германъ де-Вартбергъ). Нарушевичъ полагалъ, что Юрію вмѣстѣ съ Белзской землей уступлены уѣзды Грабовецкій, Городельскій и Всеволжскій.

Шараневичъ считаетъ упомянутаго Юрія Белзскаго потомкомъ младшей линіи Романовичей Юріемъ Даниловичемъ [99]), согласно съ мнѣніемъ Зубрицкаго [100]). Антоновичъ называетъ этого Юрія Наримунтовичемъ [101]). Стадницкій полагаетъ, что между изгнанными Казиміромъ князьями („ejectis antiquis Russiae principibus") находился или Даніилъ Мстиславичъ, или Юрій Даниловичъ. По отвоеваніи Белза литовцами, говоритъ Стадницкій, они дали этотъ городъ Юрію Наримунтовичу, Юрій же Даниловичъ, остававшійся, будто бы, нѣкоторое время вассаломъ Польскаго короля, вынужденъ былъ скитаться до 1366 г. [102]). Ржежабекъ доказываетъ, что Белзъ не могъ быть удѣломъ Юрія Даниловича, ибо а) въ послѣдней грамотѣ Юрія II приводится въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ Михаилъ Елеазаровичъ, воевода *Белзскій*, слѣдовательно въ 1335 г. Белзъ входилъ въ составъ владѣній Владимірскаго князя; б) договоръ Литвы съ Польшей, около 1354 г. касался, между прочимъ, Белза и Холма, но въ перечнѣ князей, участвовавшихъ въ договорѣ, имя Юрія Даниловича отсутствуетъ; в) хотя въ договорѣ, заключенномъ между Литвою и Польшею въ 1366 г. и дословно приведенномъ у Нарушевича, значутся два Георгія („Ecce ego dux magnus Olgerdus cum suis fratribus, cum

Kiejstuto, Javnuto, Lubarto et cum suis liberis conclusimus pacem cum suo fratres rege Poloniae Casimiro et.... cum duce Georgio et altero Georgio, et Alexandro"), но этотъ второй Георгій— братъ Александра Коріатовича, вмѣстѣ съ которымъ онъ владѣлъ Подоліей; г) описывая нападеніе литовцевъ на Польскія области въ ноябрѣ 1376 г., участвовавшаго въ немъ Юрія Белзскаго Чарковскій называетъ племянникомъ союзниковъ его братьевъ Кейстута Троцкаго и Любарта Луцкаго; д) по словамъ современника, ливонскаго лѣтописца Германа де-Вартберга, король Людовикъ, въ 1377 г., сначала опустошилъ часть Владимірскаго княжества, а затѣмъ осадилъ Белзъ, въ которомъ имѣлъ свою резиденцію Юрій Наримунтовичъ. Наконецъ е) въ условіи, заключенномъ въ 1387 г. женою Владислава Ягайлы королевою Ядвигою, завладѣвшею Червонною Русью, съ оказавшимъ ей сопротивленіе въ Галичѣ Бенедиктомъ, въ числѣ лицъ, гарантировавшихъ соблюденіе условія, помѣщенъ Юрій Белзскій —братъ Литовскихъ князей. Приведенные доводы, несмотря на ихъ убѣдительность нетолько не могутъ превратить князя Юрія Даниловича *Холмскаго* въ миѳическую личность, но напротивъ скорѣе говорятъ въ пользу дѣйствительнаго его существованія.

Въ 1390 г. Юрій Нарumунтовичъ лишился Белзскаго удѣла и удалился къ тевтонскимъ рыцарямъ. Въ послѣдній разъ вспоминаетъ о немъ хроника Боховца, ссылаясь на него, какъ на присутствовавшаго при осуществленіи договора 1391 г. Ягайлы съ Витовтомъ, въ силу котораго послѣдній сдѣлался великимъ Литовскимъ княземъ. Въ 1396 г. Белзское княжество получилъ Сомовитъ Мазовецкій, сынъ Сомовита Трояденовича, женатый на сестрѣ Владислава Ягайлы Александрѣ [163]) Въ грамотѣ Ягайлы сказано, что Сомовитъ получаетъ, jure hereditario, Белзъ съ крѣпостями Городломъ, Любачевымъ, Бугскомъ и Грабовцемъ (interra Russie sita cum villis eorum prout ipsa et ipsorum quodlibet in suis metis longe lateque et circumferencialiter ab antiquo limitata sunt et distincta), Всеволожъ и Лопатинъ съ округами. При этомъ села Орме (Ohrme) и Ваковъ, въ округѣ Холмскомъ, отчислены къ Городельскому округу, а семища и дворскія угодья въ Zastolowya, Стріовѣ, Орловѣ и Бартоловицѣ —къ Холмскому королевскому округу [164]), и сдѣлана существенная оговорка о не отчуждаемости земель церковныхъ. Въ слѣдующемъ 1397 г. грамота эта подтверждена королевой Ядвигой [165]). Поэтому ошибочнымъ представляется мнѣ утвержденіе Шараневича, что во время грюнвальдской битвы съ крестоносцами Холмская земля, выставившая нѣсколько полковъ подъ особою хоругвью (съ изображеніемъ медвѣдя),

находилась подъ „володѣньемъ князей Мазовецкихъ" [106]). Белзская область оставалась во владѣніи Мазовецкихъ князей болѣе столѣтія и затѣмъ постепенно присоединена къ Польшѣ. Въ грамотѣ 1444 г. объ уступкѣ ея безпотомнымъ княземъ Мазовецкимъ Владиславомъ брату своему Болеславу она описывается въ томъ самомъ составѣ, въ какомъ пріобрѣтена была Сомовитомъ [107]).

И такъ мы видимъ, что Белзская земля въ XIV вѣкѣ и позднѣе, также точно какъ въ XIII, постоянно оттѣнялась отъ Холмской и лишь временами сливалась съ нею въ одну княжескую волость. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ изложить всѣ существенные моменты въ судьбѣ этихъ земель за XIV столѣтіе. Тѣмъ цѣннѣе для историка знаменитая запись Юрія Даниловича Холмскаго отъ 1376 г., подлинность которой Ржежабекъ такъ неудачно старается опровергнуть. Востоковъ передаетъ ея текстъ въ такомъ видѣ: ...„Сея князь Юрія *) Холмскои, сынъ Данилія Холмского, по смерти сына моего, князя Семена, придали есмо к церкви Божой Пречистой Богоматери на богомоле вечистое, села: Стрижово, Слепче, Космово, Цуцнево з обема береги обаполъ Бугу, въ лѣто 6884, къ столцу епископіи Холмское при боголюбезномъ Калисти епископи Холмскомъ и Белзскомъ..." Въ этой записи обращаетъ на себя вниманіе то, что князь Юрій титулуетъ себя и отца своего Даніила княземъ *Холмскимъ*, тогда какъ современнаго ему епископа онъ именуетъ *Холмскимъ* и ***Белзскимъ***.

Границу между Холмской и Белзской землей половины XIII вѣка я провелъ, приблизительно, по рѣкѣ Сулимовкѣ [108]) (лѣвый притокъ З. Буга). Позднѣе Белзская земля постепенно расширялась, отчасти на счетъ Холмской, раздѣлившейся при Владиславѣ Ягайлѣ на четыре округа: Холмскій, Красноставскій, Щебрешинскій и Городельскій. Витковъ, перечисленный грамотою 1396 г. изъ Холмскаго въ Горде́льскій округъ, находится около южной границы нынѣшняго Томашевскаго уѣзда, между рѣками Сулимовкою и верховьями рѣчки Волынянки, также впадающей въ Бугъ. Села, перечисленныя во вкладной записи 1376 г., Стрижово, Слепче, Космово и Цуцнево скучены въ юго-восточномъ углу Грубешовскаго уѣзда (Любл. губ.), входившемъ въ составъ собственно Червенской земли [109]), слившейся послѣ паденія г. Червена съ землею Холмскою. Западная граница Холм-

---

*) Въ хромолитографич. снимкѣ съ записи, приложенномъ къ VIII вып. Памятн. Русск. Стар. въ Зап. губ., изд. Батюшковымъ, имя означено двумя буквами ЮР.

ской земли въ концѣ XIV вѣка доходила до рѣкъ Веприя и Тысменицы, постепенно отодвинувшись отъ омывающей г. Люблинъ р. Быстрицы, и граничила съ землею Люблинскою, изъ-за которой храбрый Романъ Мстиславичъ, гроза половцевъ и ятвяговъ, сложилъ свою голову. Сѣверная граница ея оканчивалась около Коцка, гдѣ Владиславъ Ягайло ввелъ Магдебургское право въ 1417 г. (villa Gothssko in terra Lublinensi et districtu Lucoviensi) и далѣе Парчева, принадлежавшаго Литвѣ до начала XVI вѣка [110]). Главный городъ Люблинской земли, подчиненный Сандомірскому войту, до образованія изъ нея самостоятельнаго воеводства въ 1471 г., Люблинъ получилъ Магдебургское устройство отъ Владислава Локотка въ 1317 г. На сѣверѣ земля Холмская, въ описываемое время, сталкиваясь съ Брестскою волостью Кейстута, постоянно мѣняла свои границы, какъ видно изъ нескончаемыхъ пререканій между литовцами и поляками до политической уніи 1569 г. [111]). Думаю, что граница шла близъ верховьевъ рѣки Зелявы. Г. Влодава былъ наслѣдственнымъ имѣньемъ Романа Θеодоровича Сангушки [112]), а Сангушки происходили отъ Θедора Любартовича. Въ грамотѣ 1461 г. Казиміра IV село Жуковъ, между р., Влодавкой и Зелявой, отнесено къ Холмскому округу [113]). На югѣ Холмщина въ XIV столѣтіи упиралась въ землю Белзкую, достигавшую почти до самаго Львова, главнаго города земли Львовской, образовавшейся во второй половинѣ XIII вѣка изъ части земли Белзской и Галицкой. Одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ этой земли—древній Бужскъ надѣленъ нѣмецкимъ правомъ Сомовитомъ 1411 г. [114]) По выраженію грамоты короля Людовика, данной Львову въ маѣ 1379 г., послѣдній находился на украйнѣ области его Русской (in confiniis regni nostri Russiae) [115]) по отношенію, конечно, къ области Владимірской и Луцкой, гдѣ въ этомъ году княжилъ „groser Furste Demytyr“ [116]).

Между относящимися къ Львовской землѣ грамотами Владислава Опольскаго отмѣтимъ извлеченную Зубрицкимъ изъ Львовскаго городскаго архива привелегію 1378 г. на введеніе нѣмецкаго права въ с. Малыя-Винники. Въ ней при поименованіи присутствовавшихъ выражено: „Domino Mathia electo in archiepiscopum lemburgensem [117]). Здѣсь разумѣется латинскій архіепископъ, резиденція котораго изъ Галича переведена во Львовъ. Папской буллой 1375 г. въ числѣ другихъ латинскихъ епископій въ земляхъ Русскихъ (Владимірской, Перемышльской, Галичской) положено начало постоянной епископіи Холмской, съ подчиненіемъ ея Галицкой архіепископіи и съ освобожденіемъ отъ власти епископовъ Любушскихъ [118]). Папа писалъ между прочимъ: „schismaticos episcopos si qui forsan in eis sunt, tanquam reprobos

et indignos penitus ab illis removemus" [119]). До начала XV вѣка упоминаются лишь титулярные Холмскіе латинскіе епископы, напр. „Tomsz de Sienno episcopus Chelmensis" [120]), назначавшіеся съ 1359 г., но дѣйствительное учрежденіе Холмской латинской епископіи послѣдовало не ранѣе 1417 г., такъ какъ еще въ 1413 г. она считалась вакантною и средства на ея содержаніе—села Кумовъ, Подлубицы, Добрынево, Плитники, Туръ, Сѣдлискъ и Лыщи (Павлово) даны ей не ранѣе 1417—1419 г. [121]). Холмская латинская діоцезія заключала въ себѣ деканаты Холмскій, Красноставскій, Замостскій, Грубешовскій, Грабовецкій, Туробинскій, Любомльскій, Белзскій, Сокальскій и Потыличскій [122]). Въ предѣлахъ всей этой діоцезіи Владиславъ Ягайло въ 1423 г. предоставилъ латинскому духовенству власть haereticos (т.-е. православныхъ) какого бы ни было пола или положенія *наказывать* для привлеченія въ латинство [123]). Казалось бы, съ устраненіемъ папой въ 1375 г. православныхъ епископовъ Червонорусскихъ несовмѣстно было существованіе въ 1376 г. православнаго епископа Холмскаго и Белзскаго, коимъ названъ Калликстъ во вкладной Юрія Даниловича. Дѣло въ томъ, что православные западнорусскіе епископы даже въ то смутное время, когда около половины XV вѣка латинникамъ удалось завербовать въ свой лагерь митрополита Исидора, не подчинялись папскимъ распоряженіямъ, не признавая его своимъ главою. Такимъ былъ и Калликстъ. Такими были и его преемники Стефанъ-схимникъ, Несторъ изъ рода князей Олгимонтовичей, Сильвестръ изъ рода князей Кобринскихъ [124]) и Харитонъ (1415—1428). Харитонъ въ оффиціальныхъ актахъ пазывался епископомъ *Холмскимъ*, какъ надо полагать потому, что съ переходомъ Белзской земли къ Мазовецкимъ князьямъ, она временно подчинена въ церковномъ отношеніи епископу Галицкому, или Перемышльско-Самборскому. Неизвѣстно, кто непосредственно слѣдовалъ за нимъ на Холмской епископской кафедрѣ. Посланіе митрополита Исидора отъ 27 іюля 1440 г. изъ Холма, старостамъ Холмскимъ и воеводамъ, направленное къ защитѣ имущественныхъ правъ попа Вавилы „отъ светого Спаса отъ Столпа" [125]), и другія данныя даютъ основаніе считать Холмскую православную епископскую кафедру вакантною до 1444 г., т.-е. до начала святительства Григорія [126]). По просьбѣ епископа Харитона въ селахъ Слѣпче и Космовѣ введенно Тевтонское право королемъ Владиславомъ Ягайлой въ 1455 г. Дѣйствіе Тевтонскаго права позднѣе, въ 1463 г., распространено было и на село Стрижево грамотою Казиміра IV на имя епископа Григорія. Въ 1524 г., по указу короля Сигизмунда Августа, вслѣдствіе соглашенія его съ Холмскимъ епископомъ Филаретомъ, села Слепче, Космово и

Цуцнево (Чучнево) присоединены къ коронѣ взамѣнъ королевскихъ селъ Бѣлополе и Бусно, уступленныхъ епископской кафедрѣ [127]). Въ виду такихъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ едва ли можно оспаривать подлинность вкладной записи 1376 г., а слѣдовательно и существованіе князя Холмскаго Юрія Даниловича. Вопросъ сводится лишь къ происхожденію Юрія Даниловича отъ рода Романа Мстиславовича, и вопросъ этотъ, при настоящихъ средствахъ науки, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно, по двумъ главнымъ соображеніямъ. Дошедшія до насъ грамоты Льва Даниловича, изъ коихъ подлинность только нѣкоторыхъ сомнительна (Зубрицкій), начинаются одинаково: „А се я, князь Левъ, сынъ короля Данила“...*) Владиміръ Васильковичъ и Мстиславъ Даниловичъ въ грамотахъ, записанныхъ Волынскимъ лѣтописцемъ, употребили подобный же титулъ... „Се я, князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ“.—„Се азъ, князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ“... [128])Такой же по большей части формы придерживались и удѣльные князья Руси Восточной. Напр. грамота Ярославскаго князя Василія Давыдовича Чермнаго Спасскому монастырю, первой половины XIV вѣка, начинается такъ: „Се язъ, князь Василій Давидовичь, докончилъ есмь съ архимандритомъ съ Ниминомъ про домъ св. Спаса“ [129]).

Въ подкрѣпленіе довода, почерпнутаго мною изъ несоотвѣтствія употребленнаго во вкладной записи 1376 г. титула „я князь Юрій Холмскій“ съ общеупотребительнымъ титуломъ государей удѣльныхъ, ссылаюсь на письмо Казиміра Великаго къ патріарху Филоѳею отъ 1369 г. Въ немъ Казиміръ, сообщая, что онъ съ его князьями и боярами кандидатомъ на Галицкую митрополію предназначили епископа Антонія, проситъ рукоположить его въ митрополиты. Мотивомъ своей просьбы король приводитъ неурядицы въ Русскихъ земляхъ. Вотъ подлинныя его слова: „Русь лишилась своихъ государей, *моихъ родственниковъ* [130]) и страна осиротѣла“. Многочисленные князья, владѣвшіе, на ленномъ правѣ, земельными участками, противополагаются въ письмѣ князьямъ государямъ, стоявшимъ во главѣ Западной Руси, потому Казиміръ и указывалъ на осиротѣніе Русской земли, хотя въ князьяхъ не было тамъ недостатка при написаніи письма. „Послѣ того“, продолжаетъ

---

*) Единственное исключеніе составляетъ сомнительная жалованная грамота боярину Сентичу отъ 1284 г. на села Калнафосты, Сентиче и Восчанцы, гдѣ Левъ называетъ себя великимъ княземъ всей Русской земли, Галицкой, Новоградской, Теребовельской, Червенской, Перемышльской и Звенигородской (Haras. An. eccl. rut., стр. 146).

Казиміръ, „я пріобрѣлъ землю русскую". Мнѣ кажется, рѣчь идетъ здѣсь не объ одномъ какомъ-либо моментѣ, но о рядѣ завоеваній Казиміра въ Русскихъ областяхъ, начиная съ 1340 до 1366 г.

Патріархъ Филоѳей, склонившись на просьбу Казиміра изъ опасенія, чтобы русскіе не были поголовно обращены въ латинскую вѣру, вынужденъ былъ оправдываться предъ Кіевскимъ митрополитомъ Алексіемъ. „Да будетъ тебѣ вѣдомо", писалъ онъ, „что обращался ко мнѣ король польскій Казиміръ, подъ державою коего находится и Малая Русь, и что другіе князья присылали ко мнѣ епископа и грамоты съ извѣстіемъ, что земля остается безъ закона. Что же намъ оставалось предпринять? Если-бы государь земли былъ православный, тогда мы пожалуй и подождали бы; но какъ онъ латинникъ, то нельзя было отпустить ихъ съ пустыми руками, иначе онъ исполнилъ бы угрозу крестить русскихъ въ латинскую вѣру... [31])

И такъ Романовичи ранѣе половины XIV вѣка сошли съ исторической сцены. Съ Даніиломъ Мстиславичемъ въ послѣдній разъ мы встрѣчаемся подъ 1280 г., когда онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ. „Мстиславъ и Володимеръ, сынъ Мстиславль Данило, поидоша неволею татарскою..." къ Сандомиру и переправились чрезъ Вислу велѣдъ за Львомъ Даниловичемъ, призвавшимъ на помощь Ногая для завоеванія «части въ землѣ Лядьской». Годъ смерти Даніила Мстиславовича никто не знаетъ. Иностранныя хроники о немъ умалчиваютъ. Поэтому вѣроятнѣе всего, что онъ умеръ или въ концѣ XIII или въ самомъ началѣ XIV вѣка. Имя Юрія Даниловича появляется во вкладной записи почти черезъ сто лѣтъ послѣ извѣстія Волынской лѣтописи о Даніилѣ Мстиславичѣ. Кто же былъ князь Юрій Холмскій сынъ Даниля Холмскаго? Не претендуя на окончательное рѣшеніе этого вопроса, обращаюсь къ помяннику Холмскаго пречистенскаго собора, гдѣ съ XIII вѣка былъ „столецъ" епископіи Холмской*), на которую пожертвованы Стрижово, Слепче, Космово и Цуцнево. Къ несчастію, самый помянникъ, несмотря на всѣ старанія, не отысканъ, но есть выписи изъ него, сдѣланныя уніатскимъ епископомъ Сушей въ XVII вѣкѣ. Точность ихъ нельзя заподозрить потому, что другія показанія Суши о древнихъ записяхъ въ евангеліяхъ болѣе или менѣе подтверждаются несомнѣнными актами, хранящимися въ Холмскомъ братскомъ музеѣ, и изысканіями нашими въ другихъ архивахъ [32]).

*) Въ Холмъ переведена епископія изъ Угровеска въ 1223 г Даніиломъ (Ипат. стр. 494).

«Прежде всего», повторяю слова Суши, «въ помянникъ внесены имена владѣтельныхъ здѣшнихъ князей, потомковъ Владиміра, князья Белзскія и Холмскія, изъ коихъ иноки Θеодосій, Георгій, Іона и инокини Анастасія, Евпраксія и Марθа посвятили себя на вѣчное служеніе въ этомъ мѣстѣ Богу и пресвятой Дѣвѣ. Вслѣдъ за ними причисляются въ той книжкѣ князья Любарты и Любартовичи (Любартъ сынъ Гедимина и Любартъ изъ Ольгердовичей)". Поименовавъ нѣкоторыхъ Любартовичей и князей Коріатовичей, родъ князей Ратенскихъ, Ольгердовичей, князей Трабскихъ (Кобринскихъ), родъ Сангушковъ, также Ольгердовичей, князей Збаражскихъ, Острожскихъ, Друцкихъ, Кіевскихъ митрополитовъ: Петра (1307 г.), Θеогноста (1328 г.) и Алексія (1340 г.) и нѣкоторыхъ епископовъ, Суша продолжаетъ: „Наряду съ выше названными знаменитыми княжескими родами вписаны и иные близкіе къ нимъ роды — Крушинскихъ, Боговитиновъ, Солтановъ, Рагозъ, Страшковъ-Койленскихъ, Свѣжавскихъ, Черемошенскихъ, *Холмскихъ*, Ставскихъ" [123]) и т. д. и т. д.

По смыслу описанія Суши, первое мѣсто въ помянникѣ занимаютъ князья Рюрикова дома. Между ними могли быть и Романовичи но не ближайшіе потомки Даніила строителя Холма и «чудной» церкви пресв. Богородицы [124]). Въ ней покоится прахъ Даніила и сыновей его Романа и Шварна вмѣстѣ съ другими близкими родственниками. Останки короля Даніила, говоритъ лѣтописецъ, «положиша во церкви святѣй Богородицы, въ Холмѣ, юже бѣ самъ создалъ» [125]). „Княжацю по Войшелкѣ Шварнови въ Литовьской земли, княживъ же лѣтъ не много и тако преставися, и положише тѣло его во церкви св. Богородицѣ близъ гроба отня [126]). Однажды Левъ Даніиловичъ, чрезъ своего уполномоченнаго, такъ молвилъ Владиміру Васильковичу: „стрый твой Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у святѣй Богородици, и сынови его, братья моя и твоя, Романъ и Шварно, и всихъ кости туто лежать". [127])

«У Юрья князя у Львовича умре сынъ, именемъ Михайло.... и спрятавше тѣло его, и положиша ѣ во церкви святыя Богородица в Холмѣ юже бѣ создалъ прадѣдъ его великій князь Данило король, сынъ Романовъ» [128]). Употребленное лѣтописцемъ выраженіе «всихъ кости туто лежать» не надо понимать въ обширномъ смыслѣ. Подъ словомъ «всихъ» разумѣются ближайшіе (нисходящіе потомки Даніила [129]), ибо кости многихъ князей Владимірскихъ покоятся во Владимірѣ Волынскомъ, въ церкви также подъ названіемъ пресвятой Богородицы, построенной Мстиславомъ Изяславичемъ. Въ 1172 г. «преставися князь Мстиславъ... и спрятавше тѣло его съ честью великою

и съ пѣньи гласохвалпыми, и положиша тѣло его въ святѣй Богородици въ епископьи, юже бѣ самъ созда въ Володимѣри». Въ 1195 г. «преставися князь Всеволодъ, сынъ Мстиславовъ (получившій Владиміръ отъ своего брата Романа), пріемъ мнискый чинъ и тако спрятавше тѣло его, проводиша до гроба, епископъ Володимерский и вси игумени и попове и положиша и во святѣй Богородицѣ»... По поводу кончины князя Владиміра Васильковича, Волынскій лѣтописецъ въ своей величавой и проникнутой неподдѣльнымъ чувствомъ рѣчи какъ бы вскользъ упоминаетъ о построеніи прадѣдомъ Владиміра Васильковича (Мстиславомъ) церкви Богородицы въ Владимірѣ Волынскомъ, «идеже и мужественное тѣло его (Владиміра) лежитъ». Передъ тѣмъ лѣтописецъ разсказываетъ подробно похороны Владиміра. Изъ Любомля, гдѣ онъ умеръ, привезли его во Владиміръ «у епископью ко святѣй Богородицы и тако поставиши и на сапѣхъ во церкви... Положиша тѣло его во отни гробѣ». Мстиславъ не поспѣлъ на похороны Владиміра «но пріѣха послѣ съ бояры своими и со слугами и ѣха въ епископью ко св. Богородицѣ идеже положенъ братъ его Володимеръ и плакася надъ гробомъ его плачемъ великимъ зѣло» (1289 г.).

Удивительно, что повѣствуя съ такими подробностями о погребеніи Владиміра Васильковича, сообщивъ о мѣстѣ погребенія Василька и его жены, Волынскій лѣтописецъ не повѣдалъ намъ, гдѣ лежитъ прахъ великаго Романа, «приснопамятнаго самодержца всея Руси», воспѣтаго творцомъ Слова о полку Игоревѣ? Обмолвился онъ мимоходомъ, точно нехотя, что „Романъ погибъ на ляхохъ“ [140]). Несторова лѣтопись (напр. Кенигсбергскій списокъ и Воскресенскій), разсказывая о походѣ Романа въ этомъ году на Сандоміръ съ галицкими и владимірскими войсками и о гордомъ отвѣтѣ его папскимъ посламъ, явившимся склонять Романа въ латинскую вѣру, умалчиваетъ о его кончинѣ. По иностраннымъ источникамъ (Длугошъ, Кромеръ и др.) Романъ убитъ подъ Завихостомъ въ стычкѣ съ польскимъ отрядомъ Владислава Локоногаго. Зубрицкій [141]), Шараневичъ [142]) и Иловайскій [143]), слѣдуя за Татищевымъ, полагаютъ, что останки Романа были перевезены въ Галичъ и положены въ соборной церкви пресв. Богородицы, гдѣ въ 1187 г. „положенъ бысть“ Галицкій князь Ярославъ Владиміровичъ. Не понимаю, почему и галицкіе, и наши историки не вѣрятъ Длугошу, Кромеру, Мѣховиту и Нарушевичу [144]). По увѣренію послѣднихъ тѣло Романа погребено первоначально въ Сандомірѣ. Русскіе выкупили его у Лешка Бѣлаго за тысячу гривенъ серебра, возвративъ всѣхъ плѣнныхъ поляковъ, и перевезли его во Владиміръ-Волынскій. Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что Романа по-

хоронили въ Сандомірѣ. Тамъ была до 1262 г. православная церковь [145]). Косвеннымъ доказательствомъ перенесенія останковъ Романа во Владиміръ служатъ заключительныя слова Волынской лѣтописи подъ 1291 г.: „Мстиславу князю вложи Богъ во сердце мысль благу: созда гробницю камену надъ гробомъ бабы своей Романовой въ монастырѣ святого.... (пропускъ) свяща ю во имя праведнику Акима и Анны и службу въ ней створи" [146]). Никто не могъ указать мѣстонахожденіе этой церкви [147]), тогда какъ она, несомнѣнно, построена во Владимірскомъ замкѣ. Въ подтвердительной грамотѣ короля Сигизмунда отъ 25 августа 1512 г. приводится, между прочимъ: а) запись земянина волынскаго Юшкова Качкина, въ которой изложено „ижъ предокъ его, некоторый земенинъ Митко, упросилъ былъ у великаго князя Швидригайла имѣне звечное церковное на имя Лѣшнюю, и онъ достаточно доведавшисе ижъ то есть имене церковное, зя ся тое имѣнье Лешнюю привернулъ и записалъ къ церкви Володимерской на вечность, и б) листъ небожчика пана Янушовъ, въ которомъ же листе его выписано, штожъ которые пота нахивали месчане и люди Володимирские и съ того *на церковь светыхъ Якима и Анны, что въ замку Володимерскомъ*, десятину давали, ижъ некаго хотелъ былъ тую десятину привернути на замокъ нашъ, а потомъ, доведавшисе, штожъ съ того *звычно* хаживала десятина на тую церковь, и онъ за ся тую десятину казалъ къ той церкви Божои святого Якима и Анны давати" [148]). Въ томъ самомъ монастырѣ Владимірскомъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, провела послѣдніе годы своей жизни великая княгиня Романовая „воспримши мнескій чинъ" въ 1213 г. [149]). Удалилась она въ одинъ изъ владимірскихъ монастырей не иначе какъ потому, что во Владимірѣ былъ погребенъ ея мужъ; тамъ же была резиденція сына ея Василька „И проживали черницы вдова Василькова Елена и сестра его Ольга" [150]). Въ 1271 г. „преставися благовѣрный князь и христолюбивый великыи Володимерьскій, именемъ Василько, сынъ великаго князя Романа, и положиша тѣло его во церкви святѣи Богородици, во пискупьи Володимерьской" [151]). Тамъ же похоронена жена его Елена [152]).

Еслибы ближайшіе потомки Романа Мстиславича были записаны въ помянникѣ, то Суша, старавшійся всѣми силами о прославленіи Холма и особенно соборной церкви съ ея чудотворной иконой, непремѣнно поименовалъ бы хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, подобно тому какъ онъ поименовалъ представителей другихъ княжескихъ родовъ. Отсутствіе въ помянникѣ именъ многихъ Романовичей доказывается болѣе всего тѣмъ, что перечисленные Сушей Холмскіе епископы изъ княжескихъ родовъ

наступили въ концѣ XIV вѣка, а старѣйшіе епископы Кириллъ и Іоаннъ, игравшій столь важную роль при Даніилѣ, и Калликстъ не названы. Также точно изъ поименованныхъ Сушею епископовъ другихъ епархій: Владимірской, Перемышльской, Луцкой, Туровской и Пинской, ни одинъ не извѣстенъ ранѣе XIV вѣка. Въ XIII вѣкѣ не было княжества собственно Холмскаго и ни одинъ стольный князь не назывался Холмскимъ. Холмская земля, по смерти Даніила, примыкала, въ качествѣ волости, къ княжеству Галицкому. Даніилъ подѣлилъ Малую Русь между Василькомъ, владѣвшимъ Владимірскою областью, и Шварномъ, княжившимъ въ Галичѣ и Холмѣ (около 1272 г.). Удѣлъ Василька Владимірско-Брестскій достался сыну его Владиміру, а по смерти послѣдняго — Мстиславу Даниловичу, который „миръ держа съ околными сторонами, съ Ляхы и съ Нѣмцы, съ Литвою, одержа землю свою величествомъ Олны по Татары, а сѣмо по Ляхы, по Литву“ [153]), и „Левъ нача княжити въ Галичѣ и Холмѣ по братѣ по своемъ Шварнѣ“ [154]). По кончинѣ Владиміра Васильковича къ Льву перешла и значительная часть Владиміріи; по смерти же Мстислава Даниловича вѣроятно всею Владиміріею овладѣлъ Юрій Львовичъ. На это ясно намекаютъ слова Мстислава сказанныя Льву и Юрію 1287 г.: „се же братъ мой Володимеръ далъ ми землю свою всю и городы, а чего восхочешь искати по животѣ брата моего и своего осеже ти царевѣ, а се царь, а се азъ, молви со мною, что восхочешь“. Левъ на это ничего не возразилъ [155]). Самъ Владиміръ, надѣляя „легкосердаго“ Мстислава своею волостью, отдалъ ему предпочтеніе предъ Львомъ за неповиновеніе Льва и Юрія, сказавъ Мстиславу по поводу раздачи имъ городовъ боярамъ: „ты ми братъ есь, а другой ми братъ Левъ, а сыновецъ ми Юрьи, язъ же у васъ трехъ избралъ есмь тебе единого и далъ ти есмь землю свою всю и городы по своемъ животѣ, а при моемъ ти животѣ невступатися ни вочтоже; *се же есмь учинилъ за гордость брата своего и сыновца своего*, далъ есмь тобѣ землю свою“. Потомъ и Левъ грозилъ сыну Юрію передачей его удѣла Мстиславу за непослушаніе [156]). Юрій Львовичъ, по смерти отца своего и Мстислава Даниловича, именовался королемъ Русскимъ, княземъ Владимірскимъ [157]) (**rex Russiae, princeps Lodomeriae**).

Цѣлость Холмской земли въ первой половинѣ XIV вѣка до 1340 г. не нарушалась. Она въ полномъ своемъ объемѣ входила въ составъ державы Русскаго князя. Хотя въ грамотахъ Юрія II она прямо не названа, но это произошло или просто по небрежности составителей грамотъ, или потому, что опустошенный до крайности Холмъ, какъ поли-

тическій и даже какъ стратегическій центръ, уступилъ первенство Белзу, представителемъ котораго въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. названъ воевода Михаилъ Елеазаровичъ. Возвышеніе Белза совпадаетъ съ подчиненіемъ его Магдебургскому праву Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г., тогда какъ Нѣмецкое право введено въ Холмѣ первоначально только въ 1392 г. Владиславомъ Ягайломъ [illegible]). Вотъ почему для спасенія Червонной Руси отъ польскаго ига вскорѣ по захватѣ ея Казиміромъ Великимъ, около 1343* г., не выступилъ Холмскій князь, а явился изъ глубины Волыни на берега Буга и Вислы князь Даніилъ изъ Острога и Дашко, бояринъ Перемышльскій [illegible]).

Во второй половинѣ XIV вѣка литовцы и поляки рвали Червонную Русь на клочки. Холмская земля около 1366 г. отдана была, какъ мы видѣли, Юрію Наримунтовичу на ленномъ правѣ. Онъ владѣлъ ею, быть-можетъ съ небольшими промежутками, до 1372 г. Съ этого времени по 1377 г. она принадлежала Владиславу Опольскому, находясь подъ непосредственнымъ управленіемъ старосты Андрея [illegible]). Объ этомъ не можетъ быть спора, такъ какъ въ 1375 г. буллой папы Григорія XI разрѣшено было Владиславу Опольскому основать латинскую епископію въ Холмѣ [illegible]). Около того же времени Владиславъ даровалъ весь Щебрешинскій округъ какому-то Димитрію изъ Горая на правѣ дѣдичномъ. Даръ этотъ утвердилъ король Людовикъ за Димитріемъ и Иваномъ, владѣльцами Клеца. Этимъ же лицамъ 26 іюля 1379 г. король Людовикъ пожаловалъ королевскій замокъ Горай, иначе Ладу (нынѣ Бѣлгорайскаго уѣзда, Люблин. губ.) и г. Красникъ съ десятью селами [illegible]) (Яновскаго уѣзда). Въ послѣдствіи Щебрешинскій округъ перешелъ во владѣніе Межирѣчскаго каштеляна Андрея Горки въ силу привилегіи, данной ему Стефаномъ Баторіемъ 12 января 1583 г. Изъ нея видно, что предки Андрея Горки получили отъ Владислава Ягайлы въ 1388 г. грамоту, укрѣпившую за ними Щебрешинъ съ прилежащими пригородами. Нѣсколько ранѣе, 1380 г., къ владѣніямъ Дмитрія Горайскаго Ягайло присоединилъ и г. Туробинъ [162] (Красноставскаго уѣзда). Упомянутые Щебрешинскій, Туробинскій и Красноставскій округа и въ послѣдствіи долго оставались составными частями земли Холмской, какъ видно между прочимъ изъ Холмскаго земскаго статута 1477 г. [163]).

Въ результатѣ моего изслѣдованія вкладной записи 1376 г. обнаруживается, что сынъ Мстислава Даниловича князя Владимірскаго Даніилъ не могъ княжить въ Холмѣ и что князь Юрій Даниловичъ,

---

*) Шараневичъ. Ист. Гал., Влад. Руси, стр. 231 и прим. 48.

сдѣлавшій эту вкладную запись, никто иной какъ наслѣдственный владѣлецъ крупнаго участка въ Холмской землѣ. Княземъ же Холмскимъ величалъ онъ себя по мѣстному происхожденію, т.-е. по той же самой причинѣ, по которой иные князья прозывались Острожскими, Вишневецкими, Корецкими, Збаражскими и т. под. (отъ извѣстныхъ городовъ) и по которой члены одного, близкаго къ княжескому, рода прозывались Холмскими. Можетъ-быть, онъ былъ братомъ Михаила и Дмитрія Даниловичей, князей Волынскихъ, погибшихъ въ битвѣ при р. Ворсклѣ 1399 г.

А. В. Лонгиновъ.

г. Люблинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Привожу текстъ договорныхъ грамотъ Юрія II въ томъ видѣ, въ какомъ они напечатаны у Карамзина, Зубрицкаго и Voigt'a (cod. dipl. prus.).

1. Noverint universi ad quos presens scriptum fuerit devolutum. Quod Nos Georgius dei gracia dux Russie promittimus ac spondemus honorabilibus dominis domino Wernhero Magistro generali in Thorun singulisque fratribus eiusdem Ordini beate Marie deputatis. Quod quemadmodum nostri progenitores felicis recordacionis rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus karissimus pacem et omnimodam karitatem cum ordine prenominato tenere consueverunt. Ita et nos non minuentes sed pocius augentes temporibus vite nostre nostra fide data in eadem concordia cupimus permanere. In cuius rei testimonium presentes fieri iussimus nostri maioris sygilli munimine roboratas, datum et actum anno domini MCCCXXV.

2. Magnifico domino dilectoque sibi in Christo fratri Werniero de Orsele fratrum Ordinis Hospitalis beate Marie Theutunicorum Gerosolimitani generali magistro ceterisque fratribus eiusdem sacre Professionis in Prussia. Georgius dei gratia dux terre Russie Galicie et Ladimere. Salutem et post huius vite miliciam in celestibus triumphare. Cum inter honorabiles viros vestros predecessores magistrum generalem atque fratres Prusie ex una parte nostrosque serenissimos progenitores ex altera dileccionis insignia ac mutue promocionis beneficia viguerunt et nos vobiscum eodem caritatis winculo uniri ac sincera amicicia federi. Maxime cum honorabilis et religiosus vir frater Zyghardus de Suarcburc consanguineus noster anticam antiquorum amiciciam nobiscum vestro nomine duxerit innodandam (innovandam) prout in instrumentis ac paccionibus super huiusmodi confectis plenius est expressum. Nos volentes utique exemplum nostrorum progenitorum vobis adesse sincera amicicia et favore et de amiciciis federacionibus et pace inter nos conceptis a diebus diutinis nichil omnino diminuere sed potius volente domino abundancius adaugere, ceterum terras vestras fideliter premunire curabimus pro tartaris dummodo nobis constiterit et ab hostili qualibet invasione insuper vobis ac omni vestro populo ad omnem dileccionem et ad cuncta beneplacita promocionis et favoris existimus debitores. In cuius rei testimonium presentes fieri duximus nostri sigilli munimine roboratas. Datum et actum anno domini MCCCXXVII in Ladimiria nostra civitate capitali feria secunda post dominicam qua cantatur Reminiscere.

3. Грамота великому магистру Людеру изъ г. Львова отъ 1334 г. ...Georgius ex dono Dei natus dux et dominus Russie salutem. Nostri predecessores carissimi scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas..., quam unionem... cum nostris

baronibus nec non commilitaribus videlicet Chodore episcopo Galicensi, Temetrio Detcone, Chotkone judice nostre curie, Georgio Calvo, Mychahele Yelezarowicz, Alexandro Moldaowicz, Boriscone Cracula.—Въ такомъ же сокращеніи грамота приводится Ржежабекомъ.

4. In nomine Domini amen. Quoniam omnium conditoris inconprehensibilis providencie altitudo non solum ob id dominos prefici voluit, ut subditis dominando predessent, sed eciam ut pacis et justicie copiam eis ministrando prodessent; eapropter nos Georgius Dei gratia natus dux tocius Russie Mynoris volentes litium dispendia equitatis et unionis conpendio coartare, ut per hoc Zyzanie scrupulus enitari pacisque et concordie tranquillitas possit eo feruencius augmentari amicitie, pacis, concordie et federa amicabilis unionis, cum olym cum reverendis ac serenissimis, sacre professionis viris ac dominis generalibus magistris ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theutonicorum Ierus. terre Prussie, quibuscunque nominibus censeantur, usquo ad tempora venusti reverendisque domini Theodorici de Aldenburk, moderni summi et generalis magistri ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theut. per nostros felicis recordacionis predecessores, reges et principes, videlicet Romanum, Danyelem, Leonem, Georgium et Andream, inita contracta atque habita ac inviolabili effectu prosequente seruata, nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque scilicet Demetrio Detkone nostro, Mychalo Yelezarowiez pallatine Belzenci, Wascone Kudrynowicz judice curie nostre, Hryczkone Kossaczowicz, pallatino Premyslensi, Boriscone Cracula pallatino Lemburgensi, Chodore Otek pallatino de Lutzek, Chotkone filio Yeromiri, innovamus, approbamus, ratificamus et presentis scripto ammyniculo patrocinioque confirmamus, promittentes, bona fide semoto omni dolo, studio, ingenio et subtilitate aliquali malis penitus pretermissis, una cum prefatis nostris baronibus, militibus nobilibus terris nostrisque et hominibus, eandem favorabilem unionem et concordiam cum prelibato reverendo mire professionis Dno-Theodorico de Aldenburk, moderno magistro generali ordinis Hospitalis supra dicti, suisque cum conpreceptoribus, commendatoribus, fratribus, nobilibus terrisque ipsorum et hominibus perpetuis temporibus firmiter et irrefragabiliter observare nec contra facere aliqualiter aut venire, et ut hec maneant inconwulsa et semper integra, roburque obtineant perpetue firmitatis ac novitatis wultam assumant, presentes scribi fecimus et nostro ac predictorum nostrorum baronum sigillis communiri. Datum in Wlademiria, anno incarnationis Domini MCCCXXXV kalendas Novembris, in vigilia undecim milium sanctarum virginum.

2) Historia narodu polskiego. Krakow. 1860. T. IV, стр. 338 и т. V, стр. 76 примѣч.

3) Помѣщена въ приложеніяхъ къ соч. R. Roeppell'я, Ueber die verbreitung des Magdeburger stadtrechts in gebiete des alten Polnischen Rechts ostwerts der Weichsel. Breslaw. 1857.

4) Архивъ ю. з. Россіи, т. I, ч. 1, примѣч. къ акту № 46 и т. VI, ч. 1 актъ № 1.

5) Мать его Святохна, дочь Болеслава Кривоустаго.

6) Лѣтоп. по Ипат. списку изд. 1871 г. стр. 444, 445, 559. Быть можетъ Романъ имѣлъ другую дочь. Помирившись съ Михаиломъ Черниговскимъ, Даніилъ и Василко вдаста ему сестру (Ibid. 521).

7) Ibid. стр. 489, 498 и 541. Шараневичъ считаетъ вторую жену Даніила сестрою Литовскихъ князей Тевтивила и Едивида, которыхъ лѣтописецъ называетъ сыновьями Миндовга (Стародавный Львовъ, стр. 61).

8) Ibid. стр. 545 и 551.

9) Ibid. стр. 537.

10) Не ошибка ли это? Не слѣдуетъ ли разумѣть здѣсь Владиміра Васильковича, названнаго въ крещеніи Іоанномъ (Ипат. стр. 608). Былъ впрочемъ князь Василько Слонимскій, воевода Владиміра Васильковича (Ibid. стр. 583 и 585). Удѣломъ Василія Васильковича Нарушевичъ считаетъ часть Владимірской области съ Владимірскимъ уѣздомъ.

11) Hist. nar. Pol. т. IV, стр. XXXI, 80 и 82, примѣч.

12) Ипат. стр. 545. Третья дочь Белы Анна была замужемъ за соперникомъ Даніила Ростиславомъ. Дочь ихъ Кунигунда была за Оттокаромъ Чешскимъ, а другая Грифина, за Лешкомъ Чернымъ (Шараневичъ).

13) Ипат. стр. 583.

14) Ibid. стр. 570.

15) Ibid. стр. 569. Въ 1288 г. Ольга Романовна, по порученію больнаго мужа вела переговоры съ Люблинскимъ ляхомъ Ярташомъ, пріѣхавшимъ къ Владиміру съ вѣстью о смерти Лешка Чернаго и съ заявленіемъ о желаніи обывателей Люблина возвести Конрада Сомовитовича на княженіе Краковское (Ibid. стр. 598).

16) Ibid. стр. 562 и 604.

17) Ibid. стр. 591 и 598.

18) Галицкій историч. сбор. т. II. стр. 132, прим. 53. Нарушевичъ. Hist. т. IV, стр. 165, прим. 3.

19) Ипат. стр. 567 и 573.

20) Ibid. стр. 583.

21) Ibid. стр. 590. Однако онъ участвовалъ въ одномъ походѣ (Ibid. стр. 561)

22) Lib. I p. 1062.

23) Hist. т. IV, стр. 334, прим.

24) Стр. 414.

25) Lib. I, стр. 1022. О женитьбѣ Казимира В. на дочери Гедимина Дюсбургъ (стр. 400) выражается такъ: Loteko rex Poloniae rogavit Gedeminum regem Letovinorum, cum filiam ejus noviter daverat in uxorem filio suo

26) Наруш. hist. т. V, стр. XI.

27) Bielowski. Monum. hist. Pol. т. II, стр. 629,

28) Шараневичъ думаетъ, что Буча могла быть и дочерью Льва II (Ист. Гал. Влад. Руси. стр. 136. По мнѣнію Ярошевича, Буча была дочерью внука Даніила Романовича, Владиміра Львовича, жившаго еще 1308 г. (?). Obraz Litwy, т. I, стр. 44.

29) Ист. Гал. Влад. Руси, стр. 140 и слѣд. Здѣсь указаны всѣ источники.

30) Арх. ю. з. Россіи, т. VI, ч. 1, стр. 7 и 8.

31) Изв. акад. наукъ. X, 7.

32) Lib. II, p. 308.

33) Lib. IX, p. 1087.

34) Зубр. Критич. пов. о Червонной Руси перев. Боданскаго. стр. 103. Шар. Ист. Гал. Влад. Руси, стр. 153, прим. 17.

35) Главнѣйшіе источники приведены Ржежабекомъ.

36) Balinsk. i Lipinsk. Starozytna Polska, изд. 1843 г., т. I, стр. 411.

37) Петрушевичъ. Введеніе христіанства въ предкарпатскихъ странахъ Львовъ, стр. 8.

38) Ипат. стр. 524.

39) Hist. т. IV, стр. 186.

40) Рукопись Стрелецкаго въ библ. Львов. митр. капитула (по ссылкѣ Петрушевича).

41) Ипат. стр. 591.

42) Ibid. стр. 548.

43) Петрушевичъ. Введ. христ. въ предкарпат. странахъ, стр. 66 и 67.

44) Pam. akad. umiejęt. w Krakowi 1876 г., т. III, стр. 117—227.

45) Длугошъ. Liber beneficiarum. III, 228, 229.

46) Theiner. Monum. Pol. № 566, p. 434. № XLVI p. 23. № CCXXVI p. 147.

47) Act. patr. Const. I, стр. 267 и др.

48) Ibid. стр. 577.

49) Theiner. Monum. т. I, стр. 543.

50) Voigt. Codex dipl. Prussicus, т. III, стр. 83.

51) Ипат. стр. 367.

52) Ibid. стр. 272. То же въ Лавр.

53) Сравн. № XLIX. Мрочекъ-Дроздовскій. Изслѣд. о русск. правдѣ. Вып. II, стр. 159. Сергѣевичъ правильно относитъ дѣтскихъ къ высшему разряду княжьихъ слугъ (Вѣче и князь). Того же мнѣнія Горбачевскій (Словарь др. актоваго языка, стр. 107).

54) Ibid. стр. 160. Но уже въ уставѣ объ уволокахъ (sprawa wloczną) Сигизмунда Августа, отъ 1552 — 1556 г. (art. VII) роль дѣцкаго переходить къ войтамъ, коимъ вмѣнено: «подданныхъ ку праву месть дѣцкого передъ врядомъ ставити» (Полный текстъ устава у Ярошевича. Obraz Litwy, т. II, прилож. 93).

55) Ипат. стр. 505.

56) Ibid. стр. 510.

57) Ibid. стр. 515.

58) Ibid. стр. 945 и 946.

59) И. Бѣляевъ ошибочно призналъ Бориса Захарьича опекуномъ княжича (Лекц. по ист. русск. законодат. стр. 130).

60) Ипат. стр. 479—536.

61) См. напр. актъ пожалованія земель Мазовецкимъ княземъ Тройденомъ воеводѣ Христину 1313 (Cod. dypl. ks. Mazow. изд. Варш. 1863 г. стр. 38).

62) Turocz, подъ 1338 г. и Шараневичъ. Изслѣдов. по отеч. истор. и географ. Львовъ. 1869 г. стр. 71. Ист. Гал. Влад. Руси, стр. 150. прим.

63) Галицк. истор. сб. вып. III, стр. 33 и примѣч. 32.

64) Татищевъ т. IV, стр. 169.

65) Ипат. стр. 480 и 509.

66) О приливѣ польскихъ колонистовъ въ Червонную Русь, въ концѣ XIII в. См. Линниченко. Взаимн. отнош. Руси и Польши, стр. 198, прим.

67) Болеславъ Стыдливый 1250 г. разрѣшилъ епископу Краковскому получать десятину съ Бохненскихъ соляныхъ копей. Важное значеніе Бохни въ XIV в. видно изъ того, что при установленіи Казиміромъ Великимъ на Краковскомъ замкѣ бургграбскаго суда одинъ изъ семи лавниковъ, засѣдавшихъ въ судѣ, назначался изъ Бохни Въ высшемъ королевскомъ трибуналѣ изъ 12-ти выборныхъ судей одинъ избирался между урядниками и лавникалѣ Бохненскими (J. Moraczewski. Dzieje rzeczypospolitey Polskiej. Poznan. 1844, стр. 234 — 237). Много интереснаго сообщаетъ о Бохніи Нарушевичъ. Hist. nar. pol. т. III, стр. 223, пр 2.

68) M. Bobrzynski. O zalozeniu wyzszego sądu prawa niemieckiego na zamku

Krokowskim. Изв. истор. филос. отд. Краков. акад. 1875 г. т. IV, стр. 1—170.

69) Paprocki. Herb. rycerstwa, стр. 313. Kozlowski. Dzieje Mazowsza za panowania ksiąząt. Warsz. 1858. См. также Starozytna Polska. Bal-i Lip. uzupelnone przez. F. Martynowskiego, стр. 450 и слѣд. 1885.

70) Нарушевичъ. Hist. nar. pol. т. V, стр. 70 примѣч.

71) L. Tatomir. Geogr. ogolna i statystyka ziem dawney Polski. Krakow. 1868, стр. 152 и др.

72) Ипат. стр. 503.

73) Ibid. стр. 504.

74) Вышеградъ на Вислѣ (alias Hoghemburg) оставался весьма недолго въ рукахъ русскаго князя. Въ 1349 г. Вышеградомъ владѣлъ Болеславъ Ваньковичъ, отдавшій его затѣмъ матери своей Елизаветѣ (Cod. dypl. ks. Mazow. стр. 59). Въ 1382 г. Вышеградъ получилъ Магдебурское право въ силу грамоты Владислава Опольскаго (Gawarecki. Przywileie — miastom woiewododstwa Plockiego. p. 259 — 265). Отношенія Болеслава Мазовецкаго къ Болоховскимъ князьямъ не достаточно изслѣдованы историками (см. Ипат. стр. 526—527). Отецъ Ростислава приходился дядей Конраду Мазовецкому; Михаилъ съ Ростиславомъ «бѣже въ лахи Кондратови». Затѣмъ Михаилъ иде отъ *уя* своего на Володимеръ (Ibid. стр. 521 и 524). Замѣчательны также слѣдующія слова лѣтописи: «Ростиславъ молися *Лестьковой* и убѣди ю, да пошлеть съ нимъ лахы на Даніла (Ibid. стр. 531).

75) Ипат. стр. 537 и 538.

76) Извѣстна грамота его отъ 1249 г. о присоединеніи с. Могильницы къ владѣніямъ цистерскихъ монаховъ въ Сулеевѣ (Cod. dypl. ks. Mazow. стр. 339). Церковь св. Іоанна евангелиста въ Могильницѣ получила обширныя имѣнія отъ Болеслава Смѣлаго (См. грамоту его 1065 г., подтвержденную Мечиславомъ Старымъ 1103 г. у Мацѣевскаго. Hist. prawod. slow. 1858 г., т. VI, стр. 388—390) и подтвердительную привиллегію Сомовита Болеславича 1313 (Cod. dypl. ks. Maz. стр. 340). Въ другой Могильнѣ (Mogilna) близъ Кракова были двѣ древнія церкви: св. Якова и св. Клемента. О нихъ упоминается въ приведенной грамотѣ Болеслава Смѣлаго и грамотамъ XII в. (Bibliot. Ossol. т. VI, стр. 368). Очень важныя свѣдѣнія по этому предметѣ у Войцѣховскаго. Chrobacya. 1873 г. Могильницкая церковь св. Іоанна была первоначально, очевидно, православною, какъ показываетъ и названіе близлежащаго села Поповице, (Popovice), приведенное въ грамотѣ Сомовита Черскаго и Равскаго отъ 1350 г. (Cod. dypl. ks. Maz. стр. 341). Могильница лежитъ на югъ отъ Варшавы.

77) Ипат. стр. 548, 549 и 551.

78) Ibid. стр. 565. Ѣздовъ (Iazdow) лѣтняя резиденція князей Мазовецкихъ, неподалеку отъ Варшавы (Bal. i Lip. star. Pol. г. I, стр. 450). Теперь г. Ядовъ, близъ р. Ливца. Въ Варшавѣ одна часть города называется Уяздовскою.

79) Ипат. стр. 581.

80) Ibid. стр. 582.

81) Ibid. стр. 582—585.

82) Ibid. стр. 587.

83) Ibid. стр. 596.

84) Ibid. стр. 597.

85) Ibid. стр. 598 и 614.

86) Ibid. стр. 481 и 482.

87) Ibid. стр. 580 и 581.

88) Ibid. стр. 596.

89) Boleslaus autem de Lithuana Gaudemunda devotissima domina, genuit Troydenum... (Monum. hist. Pol., т. III, стр. 47). Ее Длугошъ зоветъ Софьей. См. объ этомъ разсужденіе Нарушевича Hist. т. IV, стр. XXII.

90) Объ отношеніяхъ къ польской коронѣ феодальныхъ князей Мазовецкихъ даетъ понятіе позднѣйшая грамота Угорскопольской королевы Елизаветы отъ 20 ноября 1383 г., данная Черскому князю Яну (сыну Самовита Тройдяновича), въ интересахъ дочерей ея Маріи и Ядвиги (См. M. Malinowski. Dzieje ker. polsk. i wielk. ks. Litewsk od 1380—1535 г. przez B. Wapowskiego, т. I, стр. 45, примѣч., гдѣ она помѣщена цѣликомъ, въ переводѣ).

91) Cod. dypl. ks. Maz. Сравн. стр. 62, 69—75. Договоръ въ Акт. зап. Россіи, т. I, стр. 1 и 2.

92) Ibid. стр. 72.

93) Ibid. стр. 68, 39, 52, 55 и др. Доминиканецъ Ходыкевичъ въ сочиненіи своемъ, говоря о безпотомномъ Львѣ, называетъ двухъ его сестеръ Марію жену Тройдена и Агафью, жену Любарта. Послѣдняя вѣроятно была Буча (сравн. Наруш. Hist. т. IV, стр. XXXII).

94) Грамота въ прилож. къ русскому переводу статьи Ржежабека, въ запискахъ академіи наукъ (послѣдній выпускъ).

95) Въ грамотѣ 1359 г. къ титулу Казиміра Вел. прибавлено «Russie dominus et heres» (Cod. dypl. ks. Maz. стр. 79).

96) Нарушевичъ. Hist. nar. pol. т. VI, стр. 93, примѣч. 5.

97) Воеводой русскихъ земель Людовикъ назначилъ Яна де Каполя (Katona. Historia critica regum Hungariae. Pesth. т. II, стр. 20). Сравн. Нарушев. Hist. т. VI, стр. 97, прим. 2.

98) Владиславъ Опольскій князь, сынъ Болеслава II и Венгерской королевны Евфиміи, род. въ первой полов. XIV в., умеръ 1401 г., женатъ былъ на дочери Сомовита Мазовецкаго. Дочь его Ядвига была за Александромъ Вигундомъ, братомъ Ягайлы, отравленнымъ въ 1392 г. (M. Malinowski. Dz. krol. Pol. i wielk. ks. Litewsk. przez. Warowik. т. I, стр. 123, примѣч. 2).

99) Ист. Гал. Влад. Руси, стр. 220.

100) Критич. пов. о Черв. Руси, стр. 131, прим. 36. Ист. Галицко-Русск. княж. т. III, стр. 267, прим. Анонимъ Гнѣзд. и Длугошъ, стр. 18—88.

101) Моногр. по ист. зап. Рос. т. I, стр. 131.

102) Synowie Gedymina, стр. 9—11,

103) Cod. dypl. Maz. стр. 106 (грам. 1388).

104) Ibid. стр. 117—119.

105) Ibid. Сомовита называетъ Ядвига своимъ братомъ.

106) Ист. Гал. Влад. кн. стр. 300. Шараневичъ ошибочно сливаетъ Холмскую землю съ Белзскою (стр. 303).

107) Cod. dypl. ks. Maz. стр. 208—209.

108) См. мое соч. Червенскіе города.

109) Ibid. Границы Червенскія земли показаны на моей картѣ, приложенной къ статьѣ моей о Люблинскихъ древностяхъ въ VIII вып. Памяти. изд. Батюшковымъ.

110) Cod. dylp. ks. Maz. p. 160 и 161 и Шолковичъ. Границы польской короны и вел. княж. Литов., въ VIII вып. пам. русск. стар. изд. Батюшковымъ, стр. 47—50. Изъ Сандомірскихъ городовъ, кромѣ Сандоміра Волынская лѣтопись

157) Павлищевъ. Даніилъ, король русскій. Холм. мѣсяцесл. 1871 г. стр. 13. Странно, что г. Дашкевичъ въ своемъ превосходномъ трудѣ «Княженіе Даніила Галицкаго» 1873 г. не сдѣлалъ ни одной ссылки на обширную статью покойнаго Павлищева.

158) Oblat. grod. Chelm. lib. 179, p. 994 (Любл. арх. др. акт.).

159) Тожество Дашка съ detko'мъ Перемышльскимъ, вопреки распространенному мнѣнію, ничѣмъ не доказано. Въ письмѣ къ первому венгерскаго короля Людовика Дашко названъ Dechk'омъ «Ludovicus... fideli suo magnifico comiti Dechk capitaneo ruthenorum»... Въ XIV в. встрѣчается имя пана Дешка (Волчковича) сына Гарусовича, сдѣлавшаго пожертвованіе на Лаврашевскій монастырь (А. Будиловичъ, Изслѣд. о недв. церк. имущ. въ зап. Россіи. Варш. 1882, стр. VIII).

160) Годомъ ранѣе, въ грамотѣ 1374 г. Людовикъ венгерскій перечислилъ принадлежавшія ему области и главные города въ Малой Польшѣ: Краковъ, Бѣчъ, Сандечъ, Вислица, Войничъ—въ землѣ Краковской. Сандоміръ, Завихостъ, Люблинъ, Сѣцеховъ, Луковъ, Радомъ—въ землѣ Сандомірской. Ленчица—въ землѣ Ленчицкой. Петроковъ—въ землѣ Сѣрадзской. Брестъ, Крушвица и Владиславовъ—въ землѣ Куявской (Volumina legum, т. I, стр. 25). Перечень этотъ очерчиваетъ до нѣкоторой степени границы, въ которыхъ Червонная Русь перешла къ Владиславу Опольскому. Въ грамотахъ онъ называлъ себя попомъ и дѣдичемъ Руси. Сохранилось довольно много привиллегій Опольскаго, касающихся Белзской и Львовской земель, напр. пожалованіе села Збучуцы Лимбурду и с. Потичанъ Нитшку (1375), села Порудно братьямъ Райнальду и Нипотку (1377), въ уѣздѣ Перемышльскомъ. Въ послѣдней грамотѣ свидѣтелемъ, наряду съ старостою Перемышльскимъ, подписался *судья русской земли* и Petro Bruy, judl provincialis Russiae (Шараневичъ. Rys XIV w., стр. 77, 90, 95, въ примѣчаніяхъ). Актъ отреченія Владислава отъ власти надъ Русью (1379) помѣщенъ Зубрицкимъ въ Критич. пов. о Черв. Руси, стр. 176, прим. 66. Здѣсь онъ называетъ себя «dux Opoliensis, Velunensis, Vladislaviensis et Dobrinensis».

161) Bal. i Lip. Star. Pol. т. II, стр. 1149 и др. Шараневичъ. Ист. Гал. Влад. Руси стр. 221, прим. 17.

162) Act. Szczebresk. связка 4, fasc. 324 (Любл. арх. др. акт.).

163) Находится въ актахъ Любл. архива и помѣщенъ Мацѣевскимъ въ Hist. prawod. slowjan. т. VI, стр. 413—416.

Прилагаемая генеалогическая таблица потомка Мстислава Изяславича требуетъ объясненія: I. Въ родѣ Всеволода Мстиславича, не приведеннаго Шараневичемъ въ генеалогическихъ таблицахъ (прилож. къ соч. «Стародавный Львовъ»), я показалъ двухъ Александровъ, чего, кажется, не дѣлалъ ни одинъ историкъ. Иначе я поступить не могъ вотъ почему. Лѣтописецъ, всегда правдивый и точный, хотя, по его сознанію, онъ писалъ «овогда передняя, овогда задняя, чтый мудрый разумѣетъ», (Ипат. стр. 544), различаетъ двухъ Александровъ Владимірско-Белзскихъ. Одного онъ зоветъ *братомъ* Даніила и Василька, *сыновцемъ* (племянникомъ) Романа Мстиславича (Ипат. стр. 482, 492, 498, 513 и 514); другаго — *братучаромъ* (племянникомъ) Даніила. Въ извѣстіи за одинъ 1230 г., очень знаменательномъ, ибо тогда созрѣлъ у галицкихъ бояръ заговоръ на убійство Даніила, въ которомъ Александръ принималъ видное участіе, это повторяется три раза. Ключемъ къ уразумѣнію разницы въ выраженіяхъ служитъ, на мой взглядъ, событіе, описанное подъ 1210 г. «Александръ», при помощи Лешка, «прия Белзъ» (выгнавъ оттуда Василька) «и да Олександрови» (стр. 487). Засимъ не остается уже тѣни сомнѣнія, что начиная съ 1204 по 1234 г., когда, по совѣту Галицкаго боярина Судислава, Александръ снова измѣнилъ *брату* Даніилу и убоявся злого своего створенія поиде къ тестю своему Кіевъ (стр. 514), послѣ чего объ Александрѣ лѣтопись умалчиваетъ, историкъ имѣетъ дѣло съ двумя Александрами. Сомнѣніе остается у меня только въ томъ: чей сынъ былъ братучадо Даніиловъ Александръ, сынъ ли Александра Всеволодовича, или брата Александра Всеволодовича Всеволода Всеволодовича, утвердившагося 1204 г. въ Червнѣ (стр. 483), такъ какъ лѣтописецъ не называетъ племянника Даніилова Александра *сыномъ* Александра Всеволодовича. II. Жену Василька Романовича Елену я считаю сестрою Болеслава Стыдливаго, *дочерью* Лешка Бѣлаго, на томъ основаніи, что Болеславъ Стыдливый могъ быть *уемъ* Владиміра Васильковича только по матери послѣдняго Еленѣ. Съ другой стороны, Владиміръ Васильковичъ и Конрадъ Сомовитовичъ могли быть братьями (хотя троюродными) только въ томъ случаѣ, если первый приходился Болеславу Стыдливому роднымъ племянникомъ по сестрѣ Болеслава Стыдливаго, своей матери. Слѣдующая таблица служитъ нагляднымъ доказательствомъ какъ справедливости моего мнѣнія, такъ и неосновательности мнѣнія Шараневича, утверждающаго (безъ ссылки, впрочемъ, на источникъ), что, отославъ жену свою, дочь Рюрикову, къ отцу, Романъ оженился съ княгинею лядскою, *племянницею* Лешка Бѣлаго, которая родила ему, около 1200 г., двухъ сыновей Даніила и Василька (Ист. Гал. Влад. Руси, стр. 60).

	Ингварь	Казиміръ Справедливый		
Романъ Мстисл....	Гримислава (жена)	Лешекъ Бѣлый		Конрадъ
Василько	(жена)	Елена.	Болеславъ Стыдл.	Сомовитъ
	Владиміръ			Конрадъ.

Генеалогія Романовичей и Всеволодовичей.

Мстиславъ II Изяславичъ † 1172.

Святославъ † 1175. Романъ † 1205. Всеволодъ Владимірско-Белзскій † 1193.

Данілъ † 1264. Василько † 1271. Ѳедора. Всеволодъ Червенскій. Александръ † 1234. Елена.

Иракліи Левъ I † 1301. Романъ. Шварнъ. † 1269. Мстиславъ. † 1291. Владиміръ. † 1289. Ольга Александръ. Всеволодъ. Настасья.

Юрій I † 1315. Святославъ † 1304. Данілъ

Михаилъ † 1284. Андрей † 1321. Левъ II † 1322. Марія

Буча. Болеславъ (Юрій II) † 1340.

Генеалогія младшей линіи Пястовичей.

Казиміръ Справедливый † 1194. Жена Елена Всеволодовна.

Лешекъ Бѣлый † 1227. Конрадъ Мазовецкій † 1247.

Болеславъ Стыдливый. † 1279. Соломея. Елена. Казиміръ Кулвскій † 1268. Болеславъ † около 1249. Сомовитъ Мазовецко-Черскій †.1 62.

Лешекъ Черный † 1288. Владиславъ Локотокъ. † 1333. Конрадъ † 1294. Болеславъ † 1313.

Казиміръ Вел. † 1370. Елизавета Тройденъ † 1341. Сомовитъ. Ванько † 1338.

Людовикъ Венгер. Болеславъ (Юрій II). † 1340. Казиміръ. † 1354. Сомовитъ. † 1331. Евфимія. Болеславъ † 1341.

Ядвига Янъ. Сомовитъ.

2007111501